

В К Р А П И В И Н

РЕЙС „ОРИОНА”

В. К Р А П И В И Н

Р Е Й С

”О Р И О Н А”

Пердоловское Книжное Издательство 1962

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художник
Г. ПЕРЕБАТОВ

Крапивин Владислав Петрович
РЕЙС «ОРИОНА»

Редактор *И. Круглик*. Художественно-технический редактор *Ю. Сакнынь*
Корректоры *Л. Уревич* и *А. Курленко*

Подписано к печати 28/VIII 1962 г. Уч.-изд. л. 3,5
Бумага 70×92¹/₁₆ бумажного 5,56 печатного листа
Тираж 15 000. Заказ 436.

НС38907

Цена 35 коп

Гипография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, проспект Ленина, 49

ВОСЬМАЯ ЗВЕЗДА

Поезд шел из Ленинграда в Свердловск. Ярко-желтый кленовый лист прилип к мокрому стеклу где-то у Тихвина и был теперь так далеко от родного дерева, как не занес бы его ни один осенний ветер. Лишь вечером поезд вырвался из-под низкого облачного свода. Впереди синело чистое небо, и первые звезды дрожали над черными кронами тополей.

Через несколько минут поезд остановился на маленькой станции. Красный огонь семафора светился впереди. Узнав, что путь не откроют, пока не пройдет встречный состав, я вышел на перрон. Это была обычная маленькая станция, каких сотни встречает на своем пути пассажир. Коричневый домик, желтый свет в окнах, палисадник с кустами акаций и высокие, нависшие над крышей тополя. Влажный ветер

изредка пробежал по их вершинам, и тогда одинокие листья падали на дощатый перрон.

Я вынул папиросы и, достав из коробки последнюю спичку, закурил.

— Дяденька, у вас коробка пустая?— раздался позади мальчишеский голос. Я обернулся. Двое ребят стояли передо мной: один в школьной форме, только фуражка на нем не обычная, серая, а наползающая на уши мичманка с «крабом»; другой, поменьше, оделся в громадный, видимо, отцовский, ватник и завернулся в него, как в тулуп. Должно быть, ребята лишь на минуту вышли из дома.

Оба выжидающе смотрели на меня.

— Какая коробка?— удивился я.

— Ну, спичечная. Мы наклейки собираем,— пояснил старший.

Я отдал им коробку. При свете, падающем из окна вагона, мальчишки разглядывали этикетку. На ней вокруг улыбающегося земного шара мчался спутник.

— Есть у нас такая,— вздохнул обладатель мичманки.— Ну, все равно. Спасибо...— Он обхватил малыша в ватнике за плечи.— Айда домой, Васек.

— Подождите,— остановил я их и нашарил в кармане другой коробок.— А такая у вас есть?

Васек смущенно почесал веснушчатую переносицу.

— Есть... Нам бы с космической ракетой...

Я развел руками. Коробки с ракетой у меня не было.

— Нечего им спички давать,— раздался вдруг сердитый голос проводницы. Она стояла в тамбуре и с неприязнью разглядывала ребятишек.— Подождут еще чего.

— Нам спичек вовсе и не надо,— удивленно сказал Васек.— Нам коробку. Пустую...

— Пустую,— проворчала проводница, скрываясь в вагоне.— Знаем...

Васек запахнул поплотней телогрейку, и мальчики пошли, не оглядываясь, с перрона. Мне не хотелось, чтобы они думали, будто я заодно с проводницей. Как-то обидно стало.

— Послушайте,— окликнул я ребят.— А разве бывают с космической ракетой? Я таких наклеек и не видел.

Санька обернулся, и вдруг шагнул назад. Мне показалось, что у него промелькнула хитроватая улыбка.

— Мало ли кто чего не видел,— сказал Санька.— А вы знаете, сколько звезд в Большой Медведице?

Я без колебания ответил, что в ковше Медведицы семь звезд, и по торжествующим лицам мальчишек понял, что совершил какую-то ошибку.

— Смотрите,— сказал Санька, показывая в небо. Там уже ярко проступали созвездия.— Видите среднюю звезду в ручке ковша? Так рядом с ней, чуть влево и вверх, еще одна, восьмая...

Старательно вглядываясь, я увидел еле заметную звездочку.

— Видите?— обрадовался мальчик.— Ее не каждый видит. В древнем Египте воины проверяли по ней свое зрение.

— Это ты откуда знаешь?

Он пожал плечами.

— Так, читал...

Я еще раз отыскал глазами восьмую звезду, и представил вдруг теплую ночь, согретую дыханием близкой пустыни. На загадочном лице сфинкса метались красные отблески жертвенных огней. Лунный свет струился по склонам пирамид, и тускло блестели бронзовые щиты. Молчаливые люди стояли неподвижно и смотрели в темно-зеленое небо, где над самым горизонтом висел, опрокинувшись, бледнозвездный ковш Медведицы. И была тишина, лишь трещало в жертвенниках пламя, да изредка тихо звенел щит, коснувшись копейного древка.

— Слушай,— спросил я,— в небе столько больших, ярких звезд. Почему же вы собрались на такую тусклую и маленькую?

Ребята переглянулись, словно советуясь.

— Откуда вы знаете?— резко ответил Санька.— Может,

она больше и ярче в сто раз, чем Полярная звезда. Она, может, просто очень далеко.

Васек беспокойно потянул его за рукав:

— Пойдем домой, Сань.

Больше я ни о чем не спрашивал ребят. Видимо, у них была какая-то своя тайна.

— Может быть...— только и сказал я.

Семафор вспыхнул зеленым светом, и я вскочил на подножку.

— Ну, прощайте, космонавты!

Они кивнули и пошли к маленькому домику, желтые окна которого ярко светились за кустами акации. Я долго смотрел вслед мальчишкам и забыл прочитать название станции, когда вокзал медленно проплывал мимо вагона.

Так и не знаю, что это была за станция. Помню только, что шумели там высокие тополя и неяркие огни робко мигали на стрелке...

Черные деревья набирали скорость за окном. Летели мимо едва различимые столбы, тихо плыли далекие огоньки. Лишь звезды висели неподвижно, и среди них восьмизвездная Медведица.

Если бы кто-нибудь рассказал суровым воинам древнего Египта, что через тысячи лет двенадцатилетний мальчишка решит лететь к далекой звезде, по которой они проверяли свою зоркость! Они посмеялись бы, наверное, покачивая тяжелыми шлемами, и сказали бы, что все это сказка, если только мальчик не будет сыном богов.

КОСТЕР

Густели темно-синие сумерки. Луна, похожая на щит из красной меди, поднималась над заросшим прудом. На другом берегу, касаясь черными кронами редких зеленых звезд, стояли одинокие сосны, а за ними светились окна заводского поселка. На листьях кустарника металась отблески костра.

А в кустах сидели Димка, Владик и Вовка. У них была задача: поймать того, кто разжигал костер. С ребятами соседней улицы у них была война, и мальчишка, возившийся у костра, мог быть только часовым передового поста противника.

— Пора, — сказал командир Димка. Шнурок висевшего на шее автомата натирал ему кожу, а рукоятка деревянного кинжала, засунутого за резинку трусов, больно уперлась в живот.

Ребята выбрались из кустов и подкрались к костру. Но «часовой» не думал ни бежать, ни сопротивляться. Он подбрасывал в костер щепки, потом хватал лежащий рядом альбом и кисточку и быстро бросал на бумагу мазки красок. На пуговице рубашки у него висел включенный фонарик. Мальчишки узнали Альку Ершова из четвертого «В».

— Я вас звал, да?— быстро сказал Алька, когда на него направили автоматы и скомандовали: «Руки вверх!» Он выпрямился и загородил альбом:— Чего вам надо?— спросил он.— Я в войну не играю.

Димка опустил автомат.

— Покажь,— попросил он и кивнул на альбом.— А почему ты ночью рисуешь?

Алька колебался. Он хотел сказать, что в альбоме еще ничего нет, но ребята уже подошли и разглядывали рисунок.

Из темно-синих, черных и красноватых мазков складывался странный пейзаж. Он был немного похож на тот, который видели ребята перед собой, но в то же время был совсем другой, наполненный напряженной тишиной и тревогой. Среди черных ветвей и резных листьев мерцала синяя вода. Над горизонтом вставала розовая громадная планета. У воды поднимался из черной листвы светлый металлический конус (на самом же деле на берегу росла береза). На металле горел отблеск багрового огня.

— Это у тебя ракета?— спросил Димка, показывая на рисунок.— На Марсе, да?

Алька не ответил.

— Мало красных отблесков,— сказал он потом.— Сухих веток надо, чтобы горел костер.

И тогда Димка предложил:

— Давай, ты рисуй, а я посвечу. Дай фонарик.

Он был очень удивлен, что маленький Алька, которого можно положить на лопатки одним мизинцем, умел рисовать такие вещи.

Через пять минут костер снова начал угасать.

— Сходите за ветками,— сказал Димка. Но Владик и

Вовка не ушли, потому что им тоже хотелось смотреть, как рисует Алька. И чтобы костер горел, они бросили в огонь свои автоматы. Тогда и Димка бросил в пламя автомат и меч. И маленький художник наносил на рисунок красные отблески сгоравшего оружия. А на бортах космолета, только что опустившегося на почву неизвестной планеты, дрожали блики таинственного огня.

— Здорово получилось,— сказал Владик, когда шагали домой.— Ты сам так научился, да?

— Может, совсем не здорово,— смущенно сказал Алька.— Надо еще днем посмотреть, как вышло.

Потом заговорил Вовка:

— Витька Сафонов говорит, что Тунгусский метеорит совсем даже не марсианский корабль, а так... ну просто метеорит и все... Врет, да?

— Ясно, врет,— отрезал Димка.

Они обошли пруд. Среди сосен, над городскими огнями, горели зеленоватые созвездия...

К Р Ы Л Ь Я

На маленьком досафовском аэродроме мальчишку знали все: планеристы, инструкторы, шоферы и хромой сторож дядя Костя.

Первый раз его увидели весной, когда начались пробные полеты. Мальчик стоял недалеко от мотолебедки и смотрел, как длинными крыльями рассекают воздух зеленые «Приморцы». С тех пор он приходил почти каждый день. Сначала его прогоняли: просто так, по привычке, как гоняют любопытных мальчишек, чтобы не мешали серьезному делу. Потом к нему привыкли.

Он помогал курсантам подтаскивать к старту планеры, пристегивать парашюты, расстилать и свертывать белые полотнища посадочных знаков.

Вечером вместе со всеми мальчик сидел у костра. Над аэродромом висело, опрокинувшись, темно-серое, с синим отливом, небо. На северо-западе приподнимала сумерки желтая закатная полоска. Крикливые поезда проносились за темной рощей, и от их железного гула вздрагивали одинокие звезды. Курсанты пекли картошку, накопанную на соседнем огороде, инструктор Григорий Юрьевич рассказывал о своей службе в полярной авиации.

А мальчик ни о чем не говорил. Он только слушал и постоянно думал об одном и том же.

Долгое время мальчик не решался попросить, чтобы его взяли в полет. Когда он, наконец, сказал о своем желании, ему, конечно, отказали. В этот день он больше ни о чем не просил. Назавтра он сказал Олегу — одному из наиболее опытных планеристов:

— Даже собаку катаете, а меня нельзя?

Он имел в виду Мирзу, маленького шпица, на счету которого было не меньше десятка полетов.

— За собаку отвечать не придется, — ответил Олег.

Через неделю, сломленный ежедневными просьбами, Олег сказал Григорию Юрьевичу, что хочет прокатить мальчишку. Тот разрешил.

На следующее утро мальчик пришел на аэродром так рано, что даже дядя Костя еще спал. Только через три часа появились планеристы. Еще через полчаса пришел моторист лебедки. Потом вывели из ангара недавно полученный планер. Каждый был занят своим делом и никто не замечал, как вздрагивал голос мальчишки, когда он старался подавить волнение.

— Сначала я полечу один, — сказал Олег, надевая парашют. — А тебя возьму во второй раз.

На другом конце аэродрома загудела лебедка, трос натянулся, и планер взмыл по крутой траектории.

И вдруг кто-то очень спокойно, как показалось мальчику, произнес:

— Не может отцепиться.

Планер был уже над самой лебедкой, но трос все еще удерживал его. Мальчик представил, как в кабине Олег судорожно дергает черный рычажок, чтобы освободиться от троса. На другом конце поля заметалась фигурка моториста. Он хотел обрубить трос и не мог найти топор. Планер вошел в крутое пике, затем у самой земли сделал штопорный виток и как-то наискось врезался в огородные гряды за аэродромом.

Мальчик стоял с побелевшим лицом, стоял неподвижно и слышал, как отовсюду наваливается тишина, плотная, словно ватное одеяло. И только когда, взревев, промчались мимо него мотоциклы с инструктором и курсантами, он очнулся и побежал. Впервые мальчик почувствовал, какой все-таки огромный этот маленький аэродром. Когда мальчик, задыхаясь, подбежал к упавшему планеру, Олега уже увезли в больницу.

На следующий день мальчик не пришел на аэродром.

Он появился через четыре дня и сказал планеристам:

— Я в больнице был. У Олега ребра сломаны и рука. И сотрясение мозга было. А сейчас ничего...

— Ничего? — усмехнулся Григорий Юрьевич, который тоже был в больнице.

Мальчик потупился. Потом тронул инструктора за рукав.

— Олег долго пролежит, — тихо сказал он. — Можно мне с кем-нибудь полететь? Можно, а?

Григорий Юрьевич долго смотрел на мальчика, слегка наморщив лоб. Потом он сказал:

— Можно. Со мной.

МИННОЕ ЗАГРАЖДЕНИЕ

Влажный юго-западный ветер за несколько дней согнал с горных склонов серый тающий снег. Сейчас его нет даже в ложбинках. Вместо снега там стоят маленькие синие озера. В них плавают желтые солнечные облака и чуть заметно качают вершинами перевернутые сосны.

Между озерами, между соснами и теплыми камнями проходит государственная граница. Она отмечена флажками. Много бумажных флажков осталось после недавней спартакиады. Они пачками лежат под деревьями в серой прошлогодней траве. Подмокли немного, но для дела годятся: красными флажками со значком спартакиады отмечена граница, синими — с эмблемой «Труда» — минные поля. Минных полей много, и попадать на них нельзя.

Сашка лежит среди маленьких сосенок. Он держит под

рукой вырезанный из доски автомат, и прижимает к земле пограничную дворнягу Куцего, которую сегодня переименовали в Дозора. Сашка и Дозор ждут нападения дикой вражеской конницы. Она рыщет где-то в лесу по ту сторону границы.

Солнце уже высоко, оно припекает спину часового. Надо бы снять тужурку, но могут заметить, как он возится в своей засаде. Поколебавшись, Сашка все же переворачивается на бок и начинает отстегивать пуговицы. Дозор рад. Освободившись, он мчится от хозяина. Его совсем не интересует охрана границ.

— Дозор! Куцый! Дезертир несчастный! — громко шипит вслед ему Сашка. Потом хватает автомат и мчится за сбежавшей собакой. Если не поймать, выдаст «дезертир» пограничный пост.

К счастью, Куцый учуял что-то, остановился и, шумно втягивая воздух, старается подковырнуть носом замшелый камень. Сашка хочет ухватить пса за загривок и вдруг останавливается. Среди плоских камней, серой прошлогодней травы и сухой бурой хвои он видит желтоватый цветок с пушистыми лепестками. А потом замечает второй, подальше, и третий, у самого своего ботинка. Сашка садится на корточки, осторожно проводит пальцем по мягким лепесткам и, оглянувшись, замечает на поляне еще несколько подснежников...

Из-за деревьев слышатся голоса. «Дикая конница» бродит совсем неподалеку, ищет место, наверно, где можно обойти часовых. Может быть, она здесь захочет перейти границу?

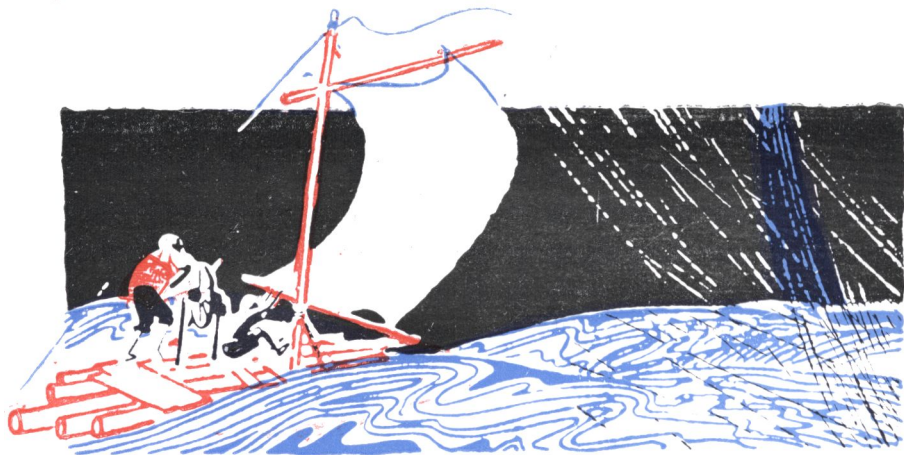
Ветер пробрался между коричневых стволов, качнул сухие стебли, шевельнул желтоватые лепестки подснежников. Маленькие цветы, давни такой каблуком — и все.

Пригибаясь, чтоб не заметили, собрал Сашка пучок синих флажков и огородил ими полянку...

Потом он ухватил за шиворот зазевавшегося Дозора, и оба они покинули новое минное поле.

Снова Сашка лежит за молодыми сосенками и вслушивается в далекие крики вражеских кавалеристов... Высоко, в очень синем небе плывут с юго-запада наполненные солнцем облака. Негромко стуча мотором, опускается к аэродрому маленький ПО-2. Коричневая бабочка рывками пролетает невысоко над землей.

На «границе» спокойно...

РЕЙС «ОРИОНА»

Для посторонних это были просто пять бревен, сколоченных тремя поперечными досками. Но Сережка и Гарик знали, что это корабль. Нужно было лишь поставить мачту с парусом из старых мешков и укрепить вместо штурвала тележное колесо с ручками, примотанными проволокой.

Плот-корабль с гордым именем «Орион» вполне годился для дальних экспедиций. И потому деньги, оставленные им для билетов на поезд, Гарик и Сережка истратили на припасы, необходимые в дальнем плавании.

Сережкина тетка, у которой целую неделю жили ребята, еще утром уехала из поселка в город.

— А мы приедем вечерним поездом. Надо нам еще удища вырубить, — сказал ей Сережка.

Сборы затянулись. Лишь к полудню был оснащен «Орион».

— Гроза будет. И ветер,— сказал соседский Генка. Он был посвящен в планы ребят, но по молодости лет в экспедиции не участвовал.— Наш Бобка траву жует. Раз собака траву жует — значит, к дождю.

— Ваш Бобка — корова. Небо чистое, и не будет дождя,— возразил Сережка.

— Буря настигнет вас в пути! — зловеще продекламировал Гарик.— Трепещите!

Генка посмотрел на них, посопел и ушел.

Ветер и гроза застигли путешественников на полпути.

— Свистать всех наверх! — заорал Сережка, когда чуть не сорвало парус. Они свернули мешковину, затем опустили мачту; Гарик утверждал, что мачты притягивают молнии. Потом сложили одежду в брезентовый рюкзак. Серые лохматые края сизой тучи уже перешли зенит, и скоро грянул ливень.

Минут сорок провели ребята под дождем и ветром, вздрагивая от синих вспышек и трескучих ударов.

— З-ак-каляйся, как сталь! — изредка произносил Сережка. Нужно было оставаться бодрыми. Все равно укрытия не было ни на плоту, ни на берегу.

Дождь стих мгновенно, и сразу стало теплее. Путешественники причалили к берегу. Там, метрах в сорока проходила дорога, ведущая от кирпичного завода к городу. Ливень размыл глинистые колеи. Увязнув до осей, на дороге буксовал грузовик. Наконец, на последнем дыхании машина выползла из глиняного месива, но не вперед, а назад. Из кабины вылез шофер. Ребята подошли, с сочувствием глядя на чертыхающегося водителя.

— Не проехать,— сказал шофер, сядясь на подножку.— Черт бы побрал это дело.

Объезда не было. Слева — размытая глина пологого

берега, дальше — вода, а справа — косогор, на который не заберется ни одна машина.

— На ТЭЦ кирпичи везете?— спросил Сережка, кивнув на кузов. Шофер осторожно мотнул головой. В этот момент, прикрыв ладонями спичку, он закуривал сигарету.

— На судостроительный,— наконец, произнес он, с ожесточением выпустив сквозь зубы дымную струю.— Цех достраивать надо. График срывается.

Он отбросил недокуренную сигарету и полез в кабину. И вдруг замер на подножке, с надеждой глядя на ребят.

— Хлопчики, выручите, а?— осторожно сказал он.— Я бы... Этс ж такое дело. Понимаете, а?

Чего уж было не понять, когда водитель смотрел отчаянными глазами то на мальчишек, то на приткнувшийся к берегу «Орион».

— Вам обратно сколотить плот — на полчаса работы. Я и молоток оставлю. А мост получился бы, что надо. Это ж не долго. Ребята?

Как жить на свете, если не помогать друг другу? Втроем они закатывали на дорогу бревна. Мост готов был за пятнадцать минут. Машина прошла.

Ребята начали разбирать переправу. Но тут подошел и остановился тяжеловесный «МАЗ».

— Вы что... Головы у вас нет?!— загремел водитель.— Люди старались, а вы дорогу губите!

— Это наши бревна,— удивленно возразил Гарик.— Мы их дали шоферу. Он буксовал.

— Я вам дам «ваши». Сейчас забуксуете...— Тяжело дыша, грузный водитель в промасленном пиджаке выбрался из кабины. Растерянно переглянувшись, ребята отступили.

Шофер ногой закатил на старое место вытащенное бревно и провел машину, еще глубже утопив в глине останки «Ориона». Подождав, когда отъедет «МАЗ», ребята снова принялись выковыривать бревна. Когда, с ног до головы перемазавшись глиной, выпрямились они, чтобы передохнуть, Гарик сообразил:

— Мачтой надо подковырнуть.

Скользя по глине босыми ногами, они подошли к воде, где лежала мачта. С реки продолжал дуть сырой плотный ветер. Маленькие крутые волны коротко хлестали о берег. В небе, желтом от низкого солнца и влажного тумана, проносились серые рваные облака.

Скользнув взглядом вдоль берега, Сережка увидал далеко-далеко, у поворота, где река теряла свинцовый блеск и зеленой ниткой казался береговой тальник, колонну автомашин.

— Колонна идет,— сказал он.

— Колонна?— переспросил Гарик.— Много?— И тут же определил сам:— Машин двенадцать... Но мы до них успеем еще...

Он замолчал вдруг. Дальше нужно было сказать слова: «...вытащить бревна», но это было все равно, что сказать «разрушить мост».

Далеко-далеко шла колонна грузовиков.

— Потом еще будут машины. Без конца,— сказал Гарик.— Ну, как?

Сережка думал. Уже стал слышен гул моторов. Но еще можно было успеть скатить бревна к воде. Сережка взял мачту и двумя руками, как тяжелый гарпун, кинул ее в реку. Гарик вздохнул и промолчал.

Потом они вымылись в реке. Вода оказалась теплой, но ветер обжигал мокрое тело. Ребята оделись.

— Пошли?

Они двинулись в путь, держа в руках ботинки.

Впереди было семь километров размытой дороги и пять километров асфальтового шоссе. В мокрых кустах шумел ветер. Солнце клонилось к горизонту где-то за облаками.

В трех километрах от города, когда уже стемнело, их взяла на борт попутная машина.

Н А С Т О Я Щ Е Е

Ревет ветер...

Юрка, лежа на диване, видит в окно деревянный забор и приколоченный к доскам самодельный флюгерок. Забор вздрагивает под напором ветра. Захлебываясь в стремительном потоке воздуха, отчаянно вращается на флюгере вертушка. Стрелка флюгера мечется по жестяной шкале между буквами **Си** : с зюйд-веста ударил циклон...

Юркины плечи зябко вздрагивают. Он давно уже снял промокшую рубашку, но до сих пор не согрелся.

— Дрожишь? — хмуро спрашивает, войдя в комнату, отец. — Носит тебя под дождем, а потом болеть будешь.

Юрка молчит, хотя мог бы возразить. Нигде его не носило. Целый день он пробыл в одном месте. Там и вымок под бурным коротким ливнем...

Юрке до зарезу нужна была доска для самоката. Утром он пошел на соседнюю улицу, где студенты строили общежитие. Здесь подходящих досок было сколько угодно. Облюбовав одну, Юрка направился к парням, которые неподалеку разравнивали лопатками каменную щебенку.

— Можно мне доску взять?— спросил Юрка у невысокого круглолицего студента в синей майке. Тот бросил работу, согнулся, уперся подбородком в черенок лопаты и задумчиво произнес:

— Доску? Это смотря зачем...

— На самокат.

— Бери,— великодушно разрешил Валька.— Бери и исчезни, пока прораб Васильич не увидел.

— Валентин!— закричал длинный черноволосый парень.— Кирпичи надо перегрузить! Побросали, не видя куда, а кран не достает! И машины не пройдут!

Валька бросил лопату, помянул черта и принялся руководить.

— В цепь вставайте!— орал он.— А то до вечера провозимся! Генка, где девчата?

Девчат пришло мало. Цепь получилась редкой, и кирпичи не передавали, а кидали друг другу.

О Юрке забыли. Он взял доску и пошел было со стройки. Но девушка, мимо которой он проходил, не сумела поймать брошенный кирпич. Решив помочь, Юрка поднял его и вдруг увидел, что стоит в общей цепи.

— Держи, товарищ!— озорно крикнули ему. И Юрка поймал новый кирпич. Потом еще. И еще.

— Ноги береги!— предупредил его черноволосый, которого звали Германом.

— Лови!

И пошло! Теперь уж Юрка никак не мог уйти. Порвалась бы цепь, нарушилась слаженная работа. И тогда, наверное, круглолицый Валька плюнул бы и сказал: «Слаб еще». Впрочем, уходить Юрке и не хотелось. Он перебрасы-

вал кирпичи, захваченный ритмом работы, и сначала даже не чувствовал усталости.

Сначала было весело. Потом закружилась голова от одинаковых движений. Потом устали как-то сразу руки и спина. Иногда Юрка ронял кирпичи, но никто ему не сказал ни слова.

Несколько раз отдыхали, и Юрка мог бы уйти. Он и ушел бы, может быть, но Герман сказал ему между прочим:

— Это тебе не самокат! Тут дело серьезное. Стройка.

Юрка посмотрел на красное недостроенное здание, на громадный кран, движущийся вдоль стены, на людей, у каждого из которых была своя работа. Люди строили большой дом. Ясное дело, это не самокат.

И Юрка каждый раз после отдыха становился в цепь.

Кончили к часу дня. Сели отдыхать на штабель досок.

— Обед!— провозгласил Валька, потрясая кульком с пряниками. Он принялся пересчитывать людей, в каждого тыча пальцем. Юрка замер, ожидая своей очереди.

— Восемь,— равнодушно произнес Валька, указав на Юрку, и тот получил два с половиной пряника, как и все. Есть не хотелось. Юрка сунул пряники в карман и лег на спину. Он чувствовал себя почему-то очень счастливым.

Из-за стен строящегося общежития выползали желтые косматые облака. Они волокли за собой мутную серую пелену. И вдруг упала Юрке на лоб маленькая капля.

— Ребята,— жалобно сказал подошедший прораб,— дождь будет. Убрали бы тес под навес. Намокнет ведь, факт. Какие из него тогда полы?

Валька лениво поднялся и вплотную подошел к прорабу.

— Ответь мне, друг Васильич, какой сегодня день?— язвительно спросил он.

— А я что? Не знаю, что суббота? Так ведь доски смокнут,— быстро заговорил Васильич.— А где сушить?

И Юрка со студентами таскал доски.

Торопились. Герман хватал один конец доски, Юрка — другой. Потом бежали через двор к навесу. Над ними хохо-

тали: слишком неравной была пара. Юрка не обращал внимания. Он знал, что нужно весь тес спрятать от дождя, и кричал вместе с другими:

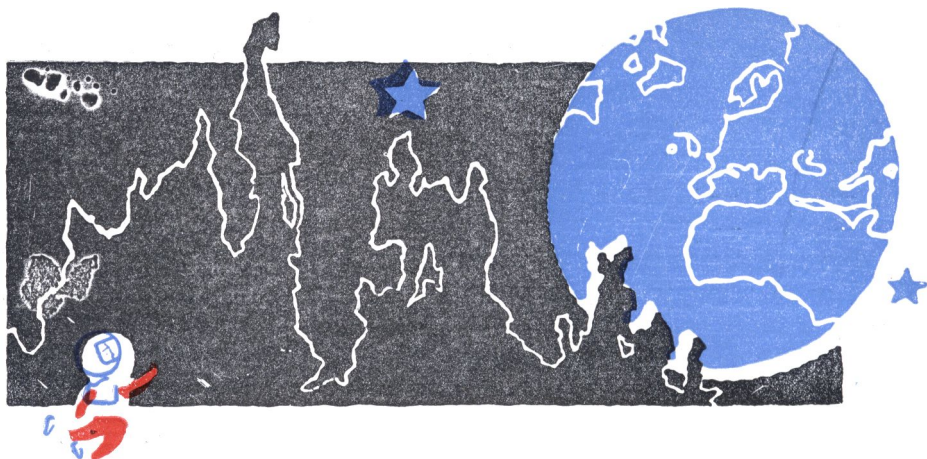
— Жмем, хлопцы!

— Ура!—выдохнули все, когда кончена была работа.

— Ура,— уныло сказал Герман.— Пошли машину разгружать. Рамы привезли. Им сырость тоже противопоказана.

Когда разгружали машину, ударил ветер и хлынул ливень.

Через час Юрка уходил домой. Кисть правой руки у него ныла от рукопожатий. Придя домой, Юрка скинул мокрую рубашку и растянулся на диване. До сих пор гудят руки, ноги, спина. Но, все равно, он мог бы еще...

СНЕЖНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Тихо в комнате. Слабо светит настольная лампочка. Андрейка лежит в кровати, натянув одеяло до подбородка, и смотрит в окно. Мороз протянул по стеклу цепкие шупальца узора. Лишь в середине стекла осталось маленькое темное окошко, и в нем переливается веселая звездочка.

Потом небо за окном чуть-чуть светлеет, в узоры вспыхивают зеленоватые искры, и Андрейка понимает, что из-за снежных туч выползла луна...

Если Андрейка слышит слово «луна», он вспоминает обычную круглую луну, плывущую среди облаков. А вот месяц — совсем не то. Месяц — это луна из сказки. У него нос картошкой, насмешливая улыбка, острый подбородок и узкий, свисающий вперед колпак с бубенчиком... Странная вещь — слова.

Андрейка смотрит в окно. Зеленые искорки в ледяном узоры блестят все ярче, а в небе уже не одна, а несколько звезд. А может быть, это совсем не звезды, а голубые снежинки с кружевными лучами? Они играют, кружатся в плавном хороводе, и бубенчик на колпаке у месяца звенит весело-весело...

Только это совсем не бубенчик. Это бренчит электрический звонок. Звякнет два раза и замолчит. Потом опять... Так звонит лишь Павлик. Он знает, что Андрейкины родители ушли в кино, а старшую сестру Лену не разбудят, как говорит мама, никакие громы небесные. Иначе бы он не пришел так поздно. Андрейка учится в первом классе, а Павлик в шестом, но они — товарищи. А перед товарищем нельзя притворяться, что ты уже спишь, и не открывать ему.

Кутаясь в одеяло. Андрейка бредет к двери. Павлик стоит на пороге в пальто и шапке.

— Есть одно важное дело,— шепчет он.— Пойдешь со мной? На пруд...

— Зачем?

— Это пока тайна... По дороге расскажу.

Андрейка вообще не против тайн. Но сейчас... На улице холодно. А пруд далеко, и сугробы там высоченные. А тут одевайся и шагай...

— Ты, Павлик, всегда выдумываешь,— недовольно бормочет он и трет слипающиеся глаза.— Вон какой мороз. И спать хочется. А если мама узнает...

— Не узнает. Мы скоро... Ну, пойдем.

— Не хочу.— Андрейка зябко двигает плечами и плотней запахивает одеяло. Павлик, прищурившись, смотрит на него.

— Эх, ты! Испугался,— говорит он наконец.— Я думал, ты настоящий друг, а ты...

— Я трус, да?— обижается Андрейка.

— И совсем ты не трус. Ты просто еще маленький,— спокойно отвечает Павлик.

И он уходит. Андрейка растерянно смотрит на тихо

закрывшуюся дверь. Конечно, лучше всего окликнуть Павлика, сказать, что оденется и пойдет с ним, но время потеряно.

Андрейка снова ложится. За окном мигают скучные равнодушные звезды. Им все равно, будет ли теперь Павлик дружить с Андрейкой. Хочется заплакать от обиды, но еще сильнее хочется спать, и Андрейка засыпает.

Узкая, как ниточка, тропинка темнела среди сугробов. Павлик пробрался по ней на середину пруда, к проруби, вытащил из-за пазухи топорик и ударил по кромке льда. Брызнули, сверкая в лунном свете, осколки. Павлик ударил еще несколько раз и отколол большой кусок льда. Он облегченно вздохнул и поднялся с колен.

Голубовато искрился снег. Черные тени падали от редких сосен, замерших на берегу. За соснами ярко светились оконные квадраты пятиэтажных корпусов, недавно выросших на окраине. Павлик поднял кусок льда и посмотрел сквозь него на луну. Яркий диск сразу же скривился в бесформенное пятно, золотыми ручейками разбежался по ледяным изломам. Лед был хороший, без пузырьков.

Павлик снова взглянул на луну простым глазом, и она превратилась в обычный желтый круг. Но Павлику показалось, что он видит покрытую неприступными горами планету. По раскаленным скалам хлещут метеоритные дожди, в ущельях лежит глухая таинственная мгла. И где-нибудь на уступе голого гранитного склона блестит в ярком солнце заброшенный туда ракетой выпел. Добраться до него нелегко. Ноги по щиколотку вязнут в вулканической пыли. Солнечные лучи нагревают скафандр. В наушниках сквозь шум и треск космических помех звучат тревожные сигналы. Это беспокоятся о Павлике его товарищи — Олег и Галка, которые остались в космолете.

— Все в порядке, друзья, выпел найден!— отвечает им

Павлик. Он поднимается на вершину утеса. Ослепительные неподвижные звезды горят в бархатно-черном небе рядом с солнцем. С другой стороны горизонта, над фантастическими нагромождениями скал, повис громадный голубой глобус — Земля. Когда солнце уйдет за рваную кромку дальнего хребта, от Земли по склонам лунных кратеров и каменистым равнинам разольется синеватый свет...

Холод, забравшийся за воротник, заставил Павлика вернуться на Землю. Но, шагая домой, мальчик продолжал мечтать. Он будет астролетчиком, в этом Павлик совершенно уверен. Галка тоже не хочет отставать. Она даже придумала название для своей будущей профессии: штурман межпланетных трасс. А Олег еще совсем недавно отказывался покидать родную планету. Уже давно он решил стать капитаном экспедиционного судна. Он хотел водить корабли вроде немагнитной шхуны «Заря» и заранее исчертил все карты в учебнике географии синими пунктирами будущих рейсов. Однако друзьям удалось доказать Олегу, что если не на Марсе, так на Венере обязательно будут открыты моря, и капитаны окажутся там даже нужнее, чем на Земле. И Олег согласился. В конце концов, не расставаться же им!

Сегодня утром Павлик, Олег и Галка решили строить телескоп. Не какую-нибудь трубку с очковыми стеклами, а громадный, длиной метра в четыре, чтобы не только Луна, но и все планеты были видны как на ладони. Три больших листа фанеры для раздвижной трубы обещал достать Олег. Галка сказала, что принесет линзу от фильмоскопа, нужную для окуляра. Павлик же взялся сделать объектив. Он решил выточить его из льда и потом отполировать. Каждый, кто читал книгу Жюль Верна «Путешествия капитана Гаттераса», помнит, как доктор Клоубони разжег костер с помощью ледяной линзы. А почему нельзя использовать такую же линзу для объектива? Только нужно было торопиться, чтобы кончить постройку, пока не прошло полнолуние. Иначе не на чем будет проверять телескоп. И Павлик решил не терять сегодняшний вечер.

На улице тепло. Пушистые хлопья медленно падают с серого неба, и березы гнутся под снежной тяжестью. Андрейка возвращается из школы. Он идет коротким путем, через пустырь, отделенный от соседнего двора покосившимся деревянным забором. На пустыре несколько ребят строят не то крепость, не то еще что-то. Андрейка замечает Павлика и Галку. Он нерешительно подходит. Интересно, сердится еще Павлик или нет? Ведь прошло уже три дня...

Из-за круглой снежной стены появляется голова Олега. Он скатывает снежок и попадает им по Андрейкиной шапке. Но тому не до игры.

— Павлик, вы чего это тут делаете?— робко заводит он разговор.

— Придет время, узнаешь,— говорит Павлик. Непонятно, сердится он или просто важничает. Конечно, лучше всего обидеться и уйти, но очень уж здесь интересно. Над стеной торчит длинная наклонная труба из фанеры. Вслед за Павликом и Галкой Андрейка проникает внутрь сооружения и видит, что труба держится на грубо сколоченной треноге.

— А когда... узнаю?— снова заговаривает он.

— Скоро,— отвечает Павлик, не оборачиваясь. Он прячет в щель между снежными кирпичами большую круглую коробку из-под конфет и говорит Галке и Олегу:

— Запомните, где эта штука лежит. Только не открывайте и руками не трогайте, иначе все пропадет. Сами понимаете...

Андрейке очень хочется узнать, что за вещь спрятана в коробке, но Павлик больше не обращает на него внимания. Видно, он злится не на шутку. Понурившись, Андрейка бредет домой... Ладно, Павлинище. Пожалеешь.

Чтобы забыть о своих горестях, Андрейка идет на ледяную гору и катается до тех пор, пока синие сумерки не становятся совсем густыми.

Усталый, Андрейка возвращается домой через пустырь. Он бредет вдоль забора и замечает, что на соседнем дворе собралась «армия» Мишки Кобзаря. Андрейка прикидывается к забору и начинает скатывать снежки. Он решил подвергнуть Мишкино войско обстрелу, а потом отступить под покровом темноты. Но тут к Мишке подходят разведчики. Они салютуют «полководцу» деревянными мечами и начинают докладывать наперебой. Слышит Андрейка сбивчивые фразы:

— На пустыре... крепость...

— Пушка большущая...

— Прямо на нас... И ядра из снега. Громадные, как арбуз. Важно махнув рукой, Мишка останавливает их и приказывает:

— Разведчикам отправиться в крепость противника. Узнать ее план и устройство пушки. Захватить все военные документы... если есть. Только ничего не ломайте.

Разведчики козыряют и направляются к забору.

Андрейка вспоминает про круглую коробку и во весь дух мчится к снежному сооружению.

Павлику снится хороший сон. Луна, похожая на громадный золотой мяч, висит над заснеженными березами. В окнах погасли огни, и на стенах домов дрожат голубые тени. Павлик идет по залитому лунным светом пустырю. Идти легко, потому что снег не проваливается. Белый купол снежной обсерватории блестит вдали, словно крыша сказочного дворца. Он все ближе и ближе, будто плывет навстречу. Павлик входит внутрь и оказывается в сверкающем зале. «Как могли мы выстроить такую громадину?» — думает он. У телескопа возятся Галка и Олег. Олег беззвучно смеется и кивает курчавой головой, а упрямая обычно Галка на этот раз без всякого спора уступает Павлику место у телескопа.

Павлик прикидывается к окуляру, и ночное небо вплотную придвигается к нему. Хрустальные колющие звезды плавают в темно-синем воздухе. Иногда они, столкнувшись, разбива-

ются, и осколки их с тихим звоном летят вниз. Потом в круглом поле телескопа появляется желтый край огромной луны..

Но тут на голову Павлику сыплются комья снега. Подняв глаза, он видит, что купол в одном месте провалился, и в дыру заглядывает Андрейка.

— Что ты делаешь!— кричит Павлик.

— Я не трогал руками,— отвечает Андрейка.

Павлик открывает глаза и вспоминает сразу, что обсерватория еще не достроена, что скоро придет Олег и что метеобюро обещало резкое похолодание: значит, небо будет безоблачным.

А Андрейка повторяет, склонившись над кроватью:

— Я не трогал руками и не открывал. Я спрятал ее вчера на чердаке, чтоб не нашли Мишкины разведчики... Ну, я про ту коробку говорю...

По обледенелым перекладинам лестницы они карабкаются на чердак. Там светло. В слуховое окно падает сноп солнечных лучей. Просторный чердак вдоль и поперек перегорожен внизу деревянными балками.

— Где коробка?— нетерпеливо спрашивает Павлик.

— Я ее положил на кирпич дымохода. Где потеплее,— довольно поясняет Андрейка. Павлик хочет рвануться вперед, но Андрейка неуклюже перелезает впереди через балку и загораживает дорогу. «Погибла линза»,— думает Павлик. Он вспоминает, как обтесывал ножом грубый кусок льда, как целых два дня полировал его, делал оправу, чтобы теплыми руками не попортить гладкую поверхность... Дать бы Андрейке по шее за его глупую помощь! А тот не торопится. Он садится верхом на балку и тараторит, блестя глазами:

— Они туда, а я коробку за пазуху, а сам в снег — бах!... Они мимо меня, а я сюда. Пусть ищут... боевые документы.

Павлик, открывший уже рот, чтобы назвать Андрейку болваном, молчит почему-то. Потом говорит хмуро:

— Пошли скорее...

Андрейка слезает с балки и пробирается дальше, но скоро снова оборачивается и продолжает уже немного тише:

— А здесь темнота была такая... Даже страшно стало. Ну, не то что страшно, а так...

Павлик невольно вспоминает, как прошлой зимой он с Олегом лазил сюда, отыскивал старые лыжи. Стояла глухая тьма, лишь в маленьком окошке вздрагивала от холода большая синяя звезда. Олег включил фонарь, и громадные тени заматались по чердаку. В дальнем углу, как чьи-то тусклые глаза, поблескивали шарики на спинке сломанной кровати...

Через голову Андрейки Павлик видит коробку на кирпичном выступе дымохода. Коробка совсем раскисла от воды. Теперь уже все равно...

— Ладно,— тихо говорит он.— Это ничего, что было страшно... Я тоже испугался бы. А ты ведь был без фонарика.

Андрейка счастливо смеется.

— Здорово я их обдурил, верно?

— Верно,— говорит Павлик, поворачивая его спиной к дымоходу.— Пойдем обратно. Коробка пусть лежит пока.

— А что в ней?

— Да так, ерунда... Это вчера было важно, сегодня можно подождать. Я потом расскажу.

Вдруг перекладыны лестницы начинают ритмично скрипеть, и снаружи слышится знакомое покашливание грозного управдома Бориса Семеныча. И что ему здесь сейчас понадобилось? Андрейка испуганно замирает.

— Скорей,— шепчет Павлик. Он тащит Андрейку в другой конец чердака. Там они через маленькое оконце выбирают на крышу.

— Прыгай,— приказывает Павлик. Андрейка зажмуривается и летит в сугроб. Он ударяется коленом о что-то твердое, скрытое под снегом. Слезы сами закипают в глазах! Павлик падает рядом.

— Не реви,— строго шепчет он.

— Я не ревлю, — отвечает Андрейка тоже шепотом. Он снова зажимуривается, чтобы не было видно слез. Боль проходит медленно, и Андрейка держится за коленку обеими руками.

— Павлик, — говорит он, не открывая глаз. — А теперь я... настоящий друг?

Сильные руки Павлика поднимают его из сугроба.

— Настоящий, — слышит Андрейка. — Самый настоящий.

САМЫЙ МЛАДШИЙ

Севка сидит на подоконнике и смотрит, как на горячей от солнца крыше дерутся два воробья. Они дерутся давно, и смотреть надоело. Севке скучно.

Со второго этажа видна вся улица, обсаженная молодыми кленами. Улица пуста, и со двора не слышно ребячьих голосов. Все, наверно, уехали на велосипедах в Верхний бор. Хорошо им...

Вы знаете, какое это счастье — мчаться на велосипеде? Попадется лужа — брызги из-под колес! Ветер в ушах свистит! А на лугах и в роще, где тропинки в ладонь шириной, головки цветов ударяют по спицам, и спицы звенят, как струны... Только у Севки еще нет своего велосипеда. Мама считает, что новое пальто Севке нужнее. И спорить тут совершенно бесполезно.

Иногда ребята давали Севке прокатиться, а если ехали куда-нибудь всем звеном, Ленька сажал его на багажник. Но так было раньше. А теперь ребята уехали без Севки. Ну и пусть!

Быть самым младшим среди ребят не очень-то веселое дело. Если идет футбольная встреча с командой соседней улицы, кого оставляют запасным? Севку. Думаете, интересно стоять позади ворот и бегать за мячами, которые пропустил длинный, как верста, вратарь Сережка? А на реке? Все уплывают на ту сторону и ныряют с плотов, а ты сиди и карауль одежку...

Однако Севка все это терпел, пока не узнал, что от него скрывают какую-то тайну. Пусть пловец и футболист он неважный. Чего вы хотите, если человеку нет еще девяти лет? Но язык за зубами держать умеет. Недавно он два дня просидел дома взаперти, но так и не сказал, кто старался запустить из-за сарая жестяную космическую ракету с зарядом из спичечных головок.

А теперь оказывается, что ему не доверяют.

Вот как это случилось.

Все ребята с Севкиного двора собирали металлолом. Решили собрать больше, чем во дворе соседнего дома, хотя там всех мальчишек и девчонок было двенадцать, а здесь только семь, да и то с пятилетним Славкой. А какой от Славки толк? Нашел где-то железный старый ключ, да и его потом потерял.

Собирать кончили к обеду. Получилась целая гора металла, потому что Ленькина бабушка отдала старую кровать без сетки, а Сергей и Татьяна нашли на чердаке помятый высокий умывальник.

Кучу решили караулить, пока не придет машина. Дело в том, что ребята из соседнего дома лопались от зависти, и Ленька видел, как Борька Табаков пытался утянуть из кучи медную ступку.

Часовым назначили, конечно, Севку. Но он не стал караулить во дворе. Кому же в голову придет растаскивать металл, если во дворе ходит часовой? Севка поступил хитрее.

Он смотрел во двор из кухонного окна. Но никто из соседских мальчишек не покушался на собранные сокровища.

Севка раз мечтался. Он гадал, что сделают из их металла на заводе. Хорошо, если построят большой белый теплоход, вроде «Комсомола», который ходит, говорят, до самого Нового порта. И назовут его «Пионерский», чтобы все знали... Правда, сам Севка еще не пионер. Просто Ленька записал его на лето в свое звено. И Вовчика из 4 «А» тоже записал.

Но это ничего, что он не пионер. Он еще успеет вступить, пока строят теплоход... А может быть, не теплоход построят, а переплавят железо, вытянут из него телефонные провода, повесят на столбы — и, пожалуйста, говори, с кем хочешь. Но теплоход лучше... Он мог бы доплыть до самого Ледовитого океана.

И Севка вспомнил о своем кораблике, который тоже уплыл в океан. Это было весной, когда под заборами лежал грязный ноздреватый снег, а в канавах вдоль высыхающих тротуаров медленно двигалась темная вода. Кораблик сделал Ленька. Он вырезал его из сосновой коры и подарил Севке. Тот пустил его в канаву. Течение подхватило суденышко, и не успел Севка опомниться, как оно было уже далеко. Попробуй догони, достань, когда кругом лужи, широкие, как озера!

— Ничего, — сказал Ленька. — Пусть плывет кораблик в океан.

И он рассказал, что вода из канавы попадет в реку, а их река впадает в Иртыш. Ну, а Иртыш впадает, как известно, в Обь, которая течет прямо в Ледовитый океан.

Севка живо представил лунную ночь, черную воду в трещине среди зеленоватых льдов, а в воде свой маленький парусник. На льдине лежат глупые тюлени, таращат на него круглые глаза и от удивления хлопают себя лапами по тугим кожаным животам.

Было немного жаль кораблик, но зато интересно...

Вдруг все воспоминания у Севки разлетелись, как городки от меткого удара. Знаете, что он увидел? Он увидел, что не

Борька Табаков и не еще кто-нибудь из завистников, а длинный Сергей (тот самый, который вратарь) вытянул из кучи погнутый велосипедный руль с вилкой и потащил к себе в дровяник.

Вихрем вылетел Севка на улицу и встал на дороге у Сергея, который уже выходил из сарая.

— Стой,— сказал он зловеще прищурившись,— зачем взял руль?

Сергей неожиданно смутился. Он что-то пробормотал и хотел пройти мимо, но Севка стоял, расставив ноги и загораживал путь. Он готов был даже получить по шее, но выполнить свой долг. Потому что он был часовой.

— Волоки назад,— приказал он.

— Да брось ты,— миролюбиво сказал Сергей.— Мне для велосипеда руль нужен. Для ремонта.

Севка от возмущения чуть не задохнулся. Он вцепился в рукав Сережкиной рубашки и заорал изо всех сил:

— Ленька! Ребята! Тревога!!

Первыми примчались Татьяна и Люська. Затем с треском скатился с лестницы Ленька, выскочил из окна Вовчик. Наконец, появился Славка, на ходу дожевывая кусок колбасы.

— А тебя кто звал?— сказала ему Люська.

— Во! Руль стащил из кучи,— начал Севка, не выпуская Сережкиного рукава.— Несчастный индустриалист...

— Говорить научись,— хмыкнул Сергей и вырвал рукав.

— Я научусь, не бойся! А ты воровать не учись!

Севка был очень доволен своим остроумным ответом. Но ребята почему-то остались спокойными. Вовчик погладил стриженный, покрытый блестками рыжих волосков затылок и сказал:

— Да пускай берет. Подумаешь, руль! Я думал, кровать украл.

— А я не согласен,— нерешительно заявил Севка.— Пусть отдаст.

Тогда вмешался Ленька:

— Ты не спорь. Руль для дела нужен.

— Для какого дела?

И тут увидел Севка, что все ребята смотрят на Леньку как-то странно.

— Я потом скажу,— нахмурился Ленька.— Ну чего ты привязался?

— Почему потом? Скажи сейчас,— попросил Севка.— Я тоже хочу делать дело.

— Отвяжись,— ответил Ленька, и все ребята согласно промолчали.

— Как караулить, так сразу я, а как... если что хорошее, так можно... плюнуть? Да?

Севка повернулся и зашагал домой, чтобы не подумали, будто ему хочется зареветь.

— Предатели!— бросил он, не оборачиваясь.

Придя домой, Севка стал думать о мести. Драться он, конечно, не мог. Даже Люська, если говорить по правде, могла с ним справиться «один на один». А Сережка или Ленька и возиться не стали бы... Надо было придумывать что-то другое. И Севка придумал.

Он взял кусок мела и пошел за сарай, где по вечерам собирались ребята, чтобы поболтать о своих делах. На длинном деревянном заборе он нарисовал всех шестерых обидчиков. Свет не видывал таких страшных уродов! Особенно досталось Сергею. Он получился длинный-длинный, глаза, как площадки, зубы оскалены, а в руках краденый руль. Внизу для ясности Севка написал: «Сережка — индивидуалист». Как правильно писать это слово, Севка заранее посмотрел в словаре у сестры.

Он осмотрел свою работу. Пусть теперь порадуются! Уже рисовать-то Севка умел!

И теперь он второй день сидит на подоконнике и скучает. Ребята укатили в Верхний бор. Наверно, так. Ведь с самого утра никого не видно во дворе. Верхний бор далеко, километров двенадцать от города. Может быть, раньше Ленька и взял бы Севку... А сейчас лучше и во двор при ребятах не

показываться, а то еще получишь за рисунки. И о дальней экспедиции на Зеленую горку, куда уже давно собираются ребята, не стоит мечтать. Ленька и раньше-то ворчал: «Всегда с грузом на корме...»

— Севка! Выйди!— слышится вдруг со двора Ленькин голос. «Приехали», — думает Севка. Он молчит. Не такой он дурак, чтобы идти на улицу. Пусть кричат, если охота.

— Севка!— снова слышен крик. Теперь уже три голоса: Вовчик, Люська и Татьянка. Севка знает, что ребята стоят за углом, у парадного крыльца и ждут его. Ну и пусть постоят.

Наконец, Ленька появляется под окном.

— Трудно тебе спуститься, если зовут?— спрашивает он.— Оглох?

Севка решает. В конце концов, хоть он и не пионер еще, но Ленька — его звеньево. Готовый каждую секунду дать стрекача, Севка появляется на пороге.

— Ну, чего надо?— говорит он.

Но что это? Севка вздрагивает. Сергей резким движением толкает к Севке... велосипед. Маленький, подростковый велосипед.

— На...

Севка ловит велосипед за руль. Руль тот самый — мятый, ободранный. И колеса с разными ободами. Сразу видно, что собирали велосипед из разных старых частей. Но это — пустяки! Пусть седло вытертое и расхлябанное, пусть рама покрыта голубой краской, какой мажут двери и карнизы, пусть нет щитков над колесами! Все это ерунда!

— Бери, художник,— говорит Ленька.— Надоело таскать тебя сзади.

— Насовсем?— тихо спрашивает Севка.

— Насовсем.

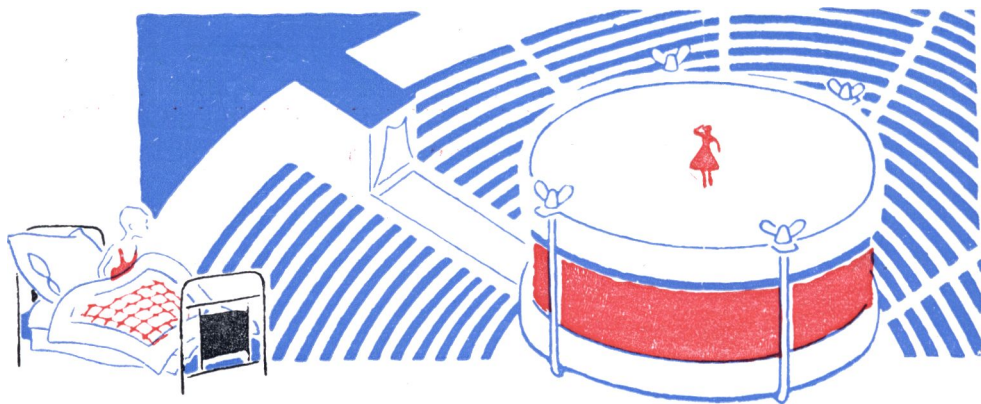
Маленький Славка теребит Севку за штаны и просит:

— Прокатишь, а? Прокатишь?

— Прокачу,— шепчет Севка.

Вдруг он стремительно взбегает по лестнице домой, в кухне хватает тряпку и смачивает ее под краном. Потом Севка выбирается из окна на карниз и прыгает, не боясь высоты. Ребята не увидят его, потому что окно с другой стороны дома.

Севка торопится, бежит к забору, где белеют на темных досках его рисунки.

ТРОЕ С БАРАБАНОМ

Я видел этот барабан даже во сне. А когда я проснулся, то сразу взглянул в угол у двери. Там торчал большущий гвоздь. Барабана на гвозде не было. Значит, Галка уже встала и умчалась на улицу...

Галку только вчера выбрали барабанщицей, когда в нашем квартале открылся пионерский лагерь. Не настоящий лагерь, конечно, а городской. Каменщики из комсомольской бригады Саши Котова подарили нам барабан. Они — наши шефы. Галка только барабан увидела, сразу вцепилась в него, и давай показывать, как она сигналы выбивать умеет. Ну, ее сразу и выбрали. Конечно, она уже в седьмой класс перешла, а мы — я, Лешка и Майка — только в четвертый. Совсем недавно и пионерами-то стали. Не нас же выбирать в барабанщики.

Целый день мы втроем ходили за Галкой. Ходили, будто просто так гуляем. Она косилась на нас сердито-сердито, но ничего не говорила.

Барабан Галка таскала на ремне через плечо. У меня даже сердце щемило, когда я смотрел на него. Он был темно-красный, с блестящими ободками, с черными винтами, чтобы кожу подтягивать. Внизу у него пружинка, от нее звук получается звонче.

Я первый из всех не выдержал:

— Галка, дай хоть чуть-чуть...

Галка сразу завелась:

— Так я и знала! Теперь начнете клянчить! Пропорете барабан, а я отвечай. Если каждый начнет колотить...

— Жила,— сказал я.

А Галка подкинула барабан на ремне, поглядела на нас, как на букашек, и ушла.

После этого мы до вечера были грустные. Я даже с Майкой поругался из-за пустяка, из-за бумажного голубя, которого она запустила на крышу гаража, а доставать не хотела...

За ужином Галка держала барабан на коленях. Потом она вколотила у двери громадный гвоздь, и барабан поселился в углу. Я сразу повеселел. Пусть только Галка ляжет спать!

Но она сказала:

— Сергей, хочешь, подарю мой автокарандаш? И общую тетрадку...

— Какая ты добрая,— поддел я ее.— Ты всегда такая?

— Тетрадка с клеенчатой коркой,— сказала Галка.— Хочешь? Только дай честное пионерское, что не будешь даже пальцем трогать барабан.

— А он, что, лопнет, да?

— От вас что угодно лопнет,— ответила она.— Даже бочка железная. А я за инструмент отвечаю. Понятно?

Я понял, что, в конце концов, Галка спать будет на барабане, но меня не подпустит. Ну, я и разозлился. И сгоряча

тут же дал честное пионерское, что не притронусь к барабану, пусть Галка лопнет от жадности вместе с тем самым «инструментом», за который она отвечает. И лег спать...

Сейчас, когда я проснулся, мне сразу вспомнился барабан.

Дома никого уже не было. Я оделся, вытащил из кухонного стола трехлитровую стеклянную банку и две вилки с железными черенками. И начал тренироваться.

Банка, конечно, не барабан, но я все равно здорово увлекся. Принялся выстукивать подряд все сигналы... Когда банки не стало, я пошел в коридор и начал барабанить по железному тазу, который висел на стене. Таз мог выдержать сколько угодно. Не выдержала соседка тетя Клавя, и я поскорей выскочил во двор.

Во дворе я сразу увидел Лешку.

— Что будет за разбитое зеркало?— хмуро спросил Лешка.

Я не знал, что бывает человеку за разбитое зеркало.

— Большое оно?

— Среднее... Я его на коленях держал.

— Барабанил?— спросил я.

— Барабанил,— сказал Лешка.

Мы сели на скамейку под грибком и задумались.

Кругом была веселая суета. Таскали стулья, украшали самодельную сцену флажками из розовых и голубых тетрадных обложек. Все готовились к концерту в честь открытия лагеря. Ветер трепал бумажные флажки, солнце сверкало в оконных стеклах. Пел баян — это Федя Костриков из восьмого класса репетировал с малышами песенку про чибиса. А мы сидели грустные. Нам хотелось быть барабанщиками.

И вдруг мы увидели Галку. Барабан висел у нее на боку. Она шагала туда, где между двумя новыми корпусами стоял старый двухэтажный дом. В нем уже никто не жил, скоро дом должны были снести.

Мы, не сговариваясь, двинулись за Галкой. А она подо-

шла к чердачной лестнице старого дома и стала карабкаться по шатким перекладинам.

Тогда Лешка крикнул:

— Тебе там чего надо?

Галка поглядела на нас с половины лестницы и ответила совсем мирно:

— Я задание выполняю, ясно вам? Как шефы покажутся, буду «сбор» барабанить.

Мы поняли. С чердака видно всю улицу, вот Галка и решила наблюдать.

Она подобралась к чердачной дверце. Дверца разохлась и открывалась только на одну четверть. Галка могла пролезть, но барабан у нее на боку мешал, застревал. Можно было его снять, только тогда пришлось бы стоять на лестнице и не держаться. А так и свалиться недолго.

— А ты его оставь у нас. Положи на лавочку,— ехидно посоветовал Лешка.

Я просто глазам не поверил: Галка слезла, будто нарочно положила барабан на скамейку у крыльца, снова вскарабкалась и скрылась за дверцей. Еще рукой нам помахала.

Я ждал, что Лешка сразу кинется к барабану. Даже зажмурился от зависти. Но Лешка задумчиво посмотрел вверх и произнес:

— Палку бы... А еще лучше большой гвоздь.

— И что будет?

— Месть,— мрачно сказал Лешка.

— Пропорешь?!— ахнул я.

— Что я, сумасшедший? Ну, есть гвоздь?

Я не стал спрашивать. Что было духу помчался домой, схватил тиски и выдрал из стены гвоздище, который вколотила Галка. Это тоже была месть.

Гвоздь Лешке понравился. Он взял его в зубы, как кинжал, и полез к чердаку. Лешка был похож на пирата, который крадетсЯ на спящий корабль. Я даже испугался за Галку. Но ей грозила не смерть, а только заключение. Лешка захлопнул дверцу и запер гвоздем ржавую щеколду.

Он не успел спуститься, как Галка принялась барабанить кулаками:

— Открывайте, черти! Шефы идут! Ну правда же идут, надо сбор играть!

— Сережка сыграет,— ответил Лешка.— Не хуже тебя, не бойся!

Он почему-то вздохнул и великодушно сказал:

— Бери, Сергей, барабан!

Вы знаете, я чуть не заревел от обиды.

— Не могу я. Вчера честное слово давал...

Лешка вытаращил глаза:

— И ты тоже?

— Что «тоже»? — простонал я.— Разве ты ей говорил честное пионерское?

— Сегодня,— пробормотал он.— Что пальцем барабан не задену. Понимаешь, разозлила...

Галка сотрясала дверцу. Она кричала, что шефы уже близко, что нам это даром не пройдет, что она оторвет голову...

Когда она замолчала, чтобы передохнуть, Лешка сказал:

— Сними с нас честное слово, тогда выпустим.

— Не сниму! — отрезала Галка.— Сорвете сбор — будете отвечать.

Я уже хотел забраться и отпереть ее. Но Лешка вдруг подскочил. Он даже ногой дрыгнул, такая счастливая мысль у него появилась:

— А Майка? Шпарь за ней!

Я хотел сказать, что пусть он сам шпарит, если хочет, а я с Майкой дел иметь не желаю. Но сразу раздумал. Тут было не до ссор.

На обратном пути, когда мы ракетами мчались по двору, я решил объяснить Майке, как барабанят «общий сбор». Но оказалось, что Майка уже умеет. На ее счету была глиняная корчага для теста и стекло в ванной...

Когда Майка барабанной дробью собирала ребят, мы стояли рядом. Галка сумела сорвать запор, но поздно. Не

могла же она драку устраивать перед всем строем и перед шефами...

Вот и вся история. Галка через три дня уехала в лагерь на Зеленое озеро, а Майка так и осталась барабанщицей. Но это только так считалось, а на самом деле мы все трое были барабанщиками. Майка не жадная...

ПОЧЕМУ ТАКОЕ ИМЯ?

Тоник, Тимка и Римма возвращались с последнего детского киносеанса из клуба судостроителей.

— Далеко до моста,— сказал Тимка.— Айда на берег. Может, кто-нибудь перевезет.

— Попадет, если дома узнают,— засомневался Тоник. Римма презрительно вытянула губы:

— Мне не попадет.

— Он всегда боится: «Нельзя, не разрешают...» Петька и тот не боится никогда,— проворчал Тимка.— Пойдешь?

Тоник пошел. Уж если маленький Петька, сосед Тоника, не боится, то ничего не поделаешь.

Обходя штабеля мокрого леса и перевернутые лодки, они выбрались к воде. Было начало лета, река разлилась и кое-где подошла вплотную к домам, подмывала заборы. Корич-

невая от размытого песка и глины, она несла бревна и обрывки плотов.

По середине реки двигалась моторка.

— Везет нам,— сказал Тимка.— Вон Мухин едет. Я его знаю.

— Какой Мухин? Инструктор ДОСААФ?— поинтересовалась Римка.

— Ага. Его брат в нашем классе учится.

Они хором несколько раз позвали Мухина, прежде чем он помахал кепкой и повернул к берегу.

— Как жизнь, рыжие?— приветствовал ребят Мухин.— На ту сторону?

Рыжей была только Римка.

— Сами-то вы красивый?— язвительно спросила она.

— А как же! Поехали.

— Жень, дай маленько порулить,— начал просить Тимка. Ну, дай, Жень!

— На бревна не посади нас,— предупредил Мухин. Тимка заулыбался и стиснул в ладонях рукоятку руля. Все было хорошо. Через несколько минут Тимка развернул лодку против течения и повел ее вдоль плотов, которые тянулись с правого берега.

— Ставь к волне!— закричал вдруг Мухин. Отбрасывая крутые гребни, мимо проходил буксирный катер. Тимка растерялся. Он рванул руль, но не в ту сторону. Лодка ударилась носом о плот. Тоник ничего не успел сообразить. Он сидел впереди и сразу вылетел на плот. Скорость была большой, и Тоник проехал поперек плота, как по громадному ксилофону, пересчитав локтями и коленками каждое бревнышко.

Мухин обругал Тимку, отобрал руль и крикнул Тонику:

— Стукнулся, пацан? Ну, садись!

— Ладно, мы отсюда доберемся,— сказала Римка и прыгнула на плот. За ней молча вылез Тимка. Тоник сидел на бревнах и всхлипывал. Боль была такой, что он даже не сдерживал слез.

— Разнюнился, ребеночек, — вдруг разозлился Тимка. — Подумаешь, локоть расцарапал.

— Тебе бы так, — заступилась Римка. — Рулевой «Сеносолома»...

— А он хуже девчонки... То-о-онечка, — противно запел Тимка.

Теперь Тоник всхлипнул от обиды. Кое-как он поднялся и в упор поглядел на Тимку. Когда Тимка начинал дразниться, он становился противным: глаза делались маленькими, белесые брови уползали на лоб, губы оттопыривались... Так бы и треснул его.

Тоник повернулся, хромая, перешел на берег, и стал подниматься на обрыв по тропинке, едва заметной среди конопли и бурьяна.

В переулке, у водонапорной колонки он вымыл лицо, а дома поскорей натянул шаровары и рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть ссадины. И все же мама сразу спросила:

— Что случилось, Тоничек?

— Ничего, — буркнул он.

— Я знаю, — сказал папа, не отрываясь от газеты. — Он подрался с Тимофеем.

Мама покачала головой:

— Не может быть, Тима почти на два года старше. Впрочем... — она коротко вздохнула, — без матери растет мальчик. Присмотра почти никакого...

Тоник раздвинул листья фикуса, сел на подоконник и свесил на улицу ноги. В горле у него снова запершило.

— Тимка никогда не дерется.

Папа отложил газету и полез в карман за папиросой.

— Так что же произошло?

— А вот то... Придумали такое имя, что на улице не покажешься. То-о-нечка. Как у девчонки.

— Хорошее имя. Ан-тон.

— Чего хорошего?

— А чего плохого? — Папа отложил незажженную папи-

росу и задумчиво произнес:— Это имя не так просто придумано. Тут, дружище, целая история.

— Мне не легче,— сказал Тоник, но все-таки обернулся и поглядел украдкой сквозь листья: собирается ли папа рассказывать?

Вот эта история.

Тогда папа учился в институте, и звали его не Сергеем Васильевичем, а Сергеем, Сережей, и даже Сережкой. После второго курса он вместе с товарищами поехал в Красноярский край убирать хлеб на целине.

Папа, то есть Сергей, жил вместе с десятью товарищами в глинобитной мазанке, одиноко белевшей на пологом склоне. Рядом с мазанкой были построены два крытых соломой навеса. Все это называлось: «Полевой стан Кара-Сук».

Больше кругом ничего не было. Только степь и горы. На горах по утрам лежали серые косматые облака, а в степи стояли среди колючей травы горячие от солнца каменные идолы и цвели странные синие ромашки. Среди желтых полей ярко зеленели квадраты хакасских курганов. В светлом небе кружили коршуны. Их распластанные тени скользили по горным склонам.

По ночам ярко горели звезды.

Но однажды из-за горы, похожей на двугорбого верблюда, прилетел сырой ветер, и звезды скрылись за глухими низкими облаками.

В эту ночь Сергей возвращался с соседнего стана. Он ходил туда с поручением бригадира и мог бы там заночевать, но не стал. Утром к ним на ток должны были прийти первые машины с зерном, и Сергей не хотел опаздывать к началу работы.

Он шагал напрямик по степи. Пока совсем не стемнело, Сергей видел знакомые очертания гор и не боялся сбиться с пути. Но сумерки сгущались, и горизонт растаял. А скоро вообще ничего не стало видно, даже свою вытянутую руку. И не было звезд. Только низко над землей в маленьком разрыве туч висела еле заметная хвостатая комета. Но Сер-

гей увидел комету впервые и не мог узнать по ней направление.

Потом исчезла и комета. Глухая темная ночь навалилась, как тяжелая черная вата. Ветер, который летел с северо-запада, не смог победить эту плотную темноту, ослабел и лег спать в сухой траве.

Сергей шел и думал, что заблудиться ночью в степи в сто раз хуже, чем в лесу. В лесу даже на ощупь можно отыскать мох на стволе или наткнуться на муравейник и узнать, где север и юг. А здесь темно и пусто. И тишина. Слышно лишь, как головки каких-то цветов шелкают по голенищам сапог.

Сергей поднялся на невысокий холм и хотел идти дальше, но вдруг увидел в стороне маленький огонек. Он горел неподвижно, словно где-то далеко светилось окошко. Сергей повернул на свет. Он думал, что придется еще много шагать, но через сотню метров подошел к низкой глинобитной мазанке. Огонек был не светом далекого окошка, а пламенем керосиновой лампочки. Она стояла на плоской крыше мазанки, бросая вокруг желтый рассеянный свет.

Дверь была заперта, Сергей постучал в оконце и через несколько секунд услышал топот босых ног. Звякнул крючок, и скрипнули старые шарниры. Мальчик лет десяти или одиннадцати, в большом, до колен, ватнике взглянул снизу вверх на Сергея.

— Заблудились?

— Мне надо на полевой стан Кара-Сук,— сказал Сергей.

У Княжьего кургана? Это правее, километра три отсюда. А вы не здешний?

— Будь я здешний, разве бы я заблудился? — раздраженно заметил Сергей.

— Случается... — Мальчик переступил с ноги на ногу и неожиданно спросил:

— Есть хотите?

— Хочу.

Мальчик скрылся за скрипучей дверью и сразу вернулся с большим куском хлеба и кружкой молока.

— Там совсем темно,— объяснил он, кивая на дверь.— Лучше здесь поесть.

— Ты, что же, один здесь?

— Не... Я с дедом. У нас отара здесь. Совхозные овцы.

— Значит, пастухи?

— Дед мой пастух, а я так... Я на лето к нему приехал. Из Абакана.

Сергей сел в траву, прислонился спиной к стене хибарки и принялся за еду. Мальчик сел рядом.

— Джек, иди сюда! — негромко крикнул он и свистнул. Откуда-то из темноты появился большой лохматый пес. Он обнюхивал сапоги Сергея, лег и стал стучать по земле хвостом.

— А зачем у вас лампа на крыше горит? — спросил Сергей, прожевывая хлеб.

— Да так, на всякий случай. Вдруг заплутает кто... А в степи ни огонька.

— Спасибо,— сказал Сергей, протягивая кружку.

— Может, еще хотите?

— Не надо...

Сергей не стал объяснять, что сказал спасибо не за еду, а за огонек, который избавил его от ночных блужданий.

Мальчик позвал Сергея в мазанку, но тот не пошел. Ночь была теплой, да и спать не хотелось. Мальчик отнес кружку и вернулся.

Они долго сидели молча. Лампа бросала вокруг мазанки кольцо рассеянного света, но мальчик и Сергей оставались в тени, под стеной.

— Ты каждую ночь зажигаешь свой маяк? — спросил Сергей.

— Каждую... Только дед сердится, что я керосин зря жгу. Я теперь стал рано-рано вставать, чтоб успеть погасить. Дед проснется, а лампа уже на лавке...

Мальчик негромко засмеялся и Сергей тоже улыбнулся.

— Сердитый дед?

— Да нет, он хороший... Он с белогвардейцами воевал, конником был. У него орден Красного Знамени есть.

— А что же он керосин жалеет?

Мальчик не расслышал, и снова наступила тишина.

— Не скучно здесь? — спросил Сергей, чтобы разбить молчание.

— Бывает, что скучно. Это, если дождь. А так интересно, тут горы, балки. В балках ручьи чистые-чистые. И шиповник цветет... — Мальчик нерешительно повернулся к Сергею, но не увидел лица. — А вечером делается тихо-тихо. И нет никого кругом. Спускаешься в долину и думаешь: а вдруг там что-нибудь удивительное... Смотришь, ничего нет. Только месяц над горой. Смешно?

— Нет, — сказал Сергей, и подумал, что ночью почему-то люди гораздо легче открывают свои тайны.

Сергей неожиданно задремал. Когда он проснулся, то увидел, что ночь посветлела. Снова проступили очертания гор, начинался синий рассвет.

Мальчик спал, завернувшись в телогрейку. Он сразу проснулся, как только Сергей поднялся на ноги.

— Эй, внук, — донесся вдруг из мазанки стариковский голос, — лампу задул? А то я сегодня рано встаю.

Мальчик вскочил. Сергей весело рассмеялся и протянул ему руку.

— Мне пора... Спасибо за огонек, товарищ.

Мальчик смущенно подал маленькую ладонь и покосился на лампу. Она все еще горела неподвижным желтым огнем.

— Как тебя зовут? — спросил Сергей.

— Антон.

— Ну, будь здоров...

Сергей пришел на свой стан, когда первые лучи уже пробились между облаками и каменистой грядой. В это же время подъехал на мохнатой лошадке хакас-почтальон.

— Телеграмма есть! — крикнул он. — Кто товарищ Калуннов?

— Калинов, — сказал Сергей, и побледнел. — Это я.

Он рванул телеграмму и прочитал первый раз быстро и тревожно, второй — медленно и с улыбкой. В телеграмме говорилось, что жена Сергея родила сына. Она спрашивала, какое дать ему имя.

— Дай коня! — закричал Сергей. — Пожалуйста, дай. Съезжу на телеграф!

— Что ты! — воскликнул почтальон. — Не могу. Ответ пиши.

И Сергей торопливо начал писать: «Поздравляю сыном Антоном родная...»

Так появился на свете еще один Антон.

— А что дальше? — спросил Тоник.

— Все. Конец.

Тоник, не оборачиваясь, пожал плечами и протянул:

— Ну-у... Я думал, что-нибудь интересное.

— Что поделаешь... — сказал папа.

Тоник молчал. Он приклонил голову к нагретому солнцем косяку и крепко зажмурил глаза. Ему хотелось представить, какая бывает темнота в степи, когда опускается августовская ночь.

И еще Тонику вдруг стало обидно, что ему никогда не приходилось зажечь огонек, который бы помог кому-нибудь.

Когда стемнело, он украдкой взял свой фонарик и вышел на улицу. В переулке горела на столбе лампочка и светились окна. За рекой переливалась целая тысяча огней. Красные и зеленые огни горели у причалов, где стояли буксиры, катера и самоходки. Далекий самолет пронес над городом три цветные сигнальные лампочки... У каждого был свой огонек, и никому, видно, не нужен был фонарик мальчишки.

И вдруг сразу исчезли все огоньки, потому что глаза Тоника закрыли чьи-то маленькие теплые ладони. Тоник мотнул головой и сердито обернулся. Рядом стояли Римка и маленький Петька, и в руках у Римки был небольшой узелок.

— А мы картошку печь будем, — сказал Петька. Тоник толкнул ногой с обрыва обломок кирпича и слушал, как он, падая, шуршит в бурьяне.

— Ну и пеките,— ответил Тоник.

— Антон-горемыка,— вздохнула Римка.— Ты, что, сильно тогда брякнулся, да?

— Тебе бы так,— сказал Тоник.

Римка покачала узелком.

— Мы на костре будем картошку печь. Из сухой травы огонь разведем.

— Из травы! Там щепки есть на берегу...

— А тебя отпустят? — спросила Римка.

— Маленький я, что ли...

Они уже стали спускаться по тропинке, когда Тоник все-таки решил спросить:

— А он чего не пошел?

— Тимка-то? Дома его нет,— объяснил Петька.

— Мы проходили мимо,— сказала Римка, да у него в окне темно. Может, спит уже.

— Ну и что же, что темно,— пробормотал Тоник. Он подумал, что, наверное, Тимка лежит на кровати и смотрит в синее окно на далекие заречные огоньки. Все-таки плохо, если поссоришься, да еще зря.

— Может, он и дома,— вздохнула Римка.— Вы не помирились, да?

— Мириться еще...— сказал Тоник. Он остановился, подумал немного и полез наверх.

Скоро все трое были у Тимкиного дома.

— Постучи в окно,— велел Тоник Петьке.

— Ну да,— сказал Петька.— Лезьте сами. Там крапива в палисаднике во какая.

Тогда Тоник вытащил из кармана фонарик. Он включил его и так повернул стекло, что свет падал узким лучом. Тоник направил луч в окошко и стал нажимать кнопку: три вспышки и перерыв, три вспышки и перерыв...

Свет желтым кружком ложился на занавеску за стеклом и золотил листья герани на подоконнике.

И вот, наконец, ярко вспыхнуло в ответ Тимкино окно.

АЙСБЕРГИ ПРОПЛЫВАЮТ РЯДОМ

О том, что к ним кто-то приехал, Тоник узнал еще в коридоре. На вешалке висела рыжая собачья доха в бисеринках растаявшего снега, на полу лежал брезентовый тюк и стоял большой потертый чемодан.

Тоник всегда радовался гостям. Но сегодня ни гость, ни даже мысль о том, что завтра воскресенье, не улучшили настроения Тоника. Поэтому он равнодушно поздоровался с высоким лысоватым человеком в сером свитере и даже не стал никого спрашивать, кто этот человек, и зачем приехал.

— Отметки, что ли, плохие принес? — поинтересовался папа, когда Тоник нехотя сел к столу и начал царапать вилкой клеенку.

— Отметки-то хорошие... — вздохнул Тоник и положил вилку.

— А что нехорошее? — сразу встревожилась мама.— Антон, отвечай сию же минуту!

— Да понимаешь... самолетик. Бумажный. Я его на уроке выпустил случайно. А она сразу в дневник записала.

— Кто она? Ах, Галина Викторовна! Так,— деревянным голосом сказала мама.— Ну-ка, покажи дневник.

Тоник медленно слез со стула. Он знал, что оправдываться не стоит.

А дело было так. Пока весь третий «Б» умирал от скуки, слушая, как Лилька Басова объясняет у доски пустяковую задачку, Тоник мастерил из тетрадного листа маленький аэроплан.

Клочки бумаги упали на тетрадную обложку. «Будто льдины в голубой воде, если смотреть на них с самолета»,— подумал Тоник. Летать и смотреть с высоты на льдины ему не приходилось, но это было неважно.

На одном из клочков он поставил несколько чернильных точек: на льдине оказались люди. Они терпели бедствие. С северо-запада и востока на льдину двигались громадные, ослепительно сверкающие голубоватым льдом айсберги. Тоник сделал их из самых больших обрывков бумаги. Он читал недавно об айсбергах и знал, что шутить с ними опасно. Сейчас они сойдутся, сплющат льдину, и люди погибнут в ледяной воде. Спасти их может только самолет Скорей!

Но пилот не рассчитал силы мотора. Самолет ударился бумажным крылом о чернильницу, взмыл вверх и упал в проходе между парт...

— Да-а,— сказал папа, прочитав запись учительницы. А мама обратилась к гостю:

— Хорош, а? Беда с ним.— Затем она повернулась к сыну.— Спроси-ка у Германа Ивановича, пускал ли он на уроках самолеты.

Тоник исподлобья взглянул на приезжего, но тот спрятал лицо за большой кружкой и торопливо глотал горячий чай. «Факт, пускал»,— решил Тоник, но промолчал.

— Мы еще с тобой поговорим,— предупредила мама, но было ясно, что гроза прошла.

В соседней комнате кто-то стал царапать дверь. Герман Иванович поднялся и впустил крупного серого щенка. Одно ухо у щенка наполовину висело, другое было острым, как стрелка.

— Барс проснулся. Знакомьтесь.

Тоник тихо чмокнул губами. Щенок подбежал, ухватил Тоника за штанину и весело замотал головой. Он решил, наверно, что так надо знакомиться.

— У него какая порода? — спросил Тоник.— Лайка? А вы с Севера приехали? Я догадался сразу. А вы... видели айсберги?

Герман Иванович серьезно посмотрел на Тоника.

— Нет, айсберги я не видел,— ответил он.— Очень хотелось увидеть, но до сих пор не приходилось.

Вечером Тоник, Тимка и Петька, сосед Тоника по квартире, сидели в палисаднике перед Тимкиным окном, Тоник рассказывал про Германа Ивановича.

— Веселый такой. Он с папой в одном институте учился. Биолог-охотовед. Сейчас из экспедиции в Москву возвращается и решил нас навестить.

— Там, на Севере, наверно, полярная ночь,— с завистью сказал Петька.

— Нет, он говорит, что солнце бывает. Только оно низко стоит. Красное и большое. Когда летишь, солнце ниже самолета.

— А он на самолете прилетел?

Тимка с сожалением взглянул на Петьку:

— Чему вас учат в первом классе? Пароходы по льду не плавают.

Петька понял, что ляпнул глупость и от досады стал сбивать с веток мелкие сосульки.

— А тебе повезло, Антон,— вспомнил вдруг Тимка.— Если бы не этот ваш знакомый, влетело бы за твой самолет.

— Тоже уж... Про всякий пустяк в дневнике писать,— сказал Тоник.

— Конечно. Вот у нас Ленька Кораблев живого воробья на уроке выпустил, и то ничего. Только из класса выгнали.

— Воробья?— спросил Петька.

— Ну и Леньку, конечно. А в дневник не писали.

— Хорошо вам, пятиклассникам,— вздохнул Тоник.

— Ага... Только пришлось Леньке брать пальто в раздевалке и полчаса по улицам ходить, чтобы завуч не поймал в коридоре. А знаешь, какой мороз был!

— Подумаешь, мороз! Герман Иванович недавно прямо в снегу ночевал. В тайге. У него и спальный мешок есть, больший. Сверху брезентовый, а внутри меховой.

Петька оставил в покое сосульки и придвинулся ближе. У Тимки заблестели глаза.

— Настоящий?

Тоник презрительно промолчал.

— Поспать бы в нем, а?

— Я и так весь день про это думаю,— соврал Тоник, удивляясь, как такая мысль раньше не пришла ему в голову. Иметь под боком настоящий спальный мешок и не переночевать в нем!

Тимка мечтательно продолжал:

— Мы бы вдвоем в него залезли. Будто ночевка на льдине... Не разрешат?

— Где там!— Тоник уныло махнул варежкой.— Да тут еще этот дурацкий дневник...

Тимка наморщил лоб так, что брови уползли под шапку.

— Головы у нас есть?

— Есть.

— Значит, надо думать.

В девять часов Тимка пришел к Тонику. Он сказал, что отец у него работает во вторую смену, сестра Зинаида ночует

у подруги, а ему спать одному в пустой квартире как-то скучновато.

— Где же тебя устроить?— задумалась мама.— На диване будет спать Герман Иванович. На раскладушке вдвоем с Тоником вы не поместитесь. Может быть, на полу?

— А знаешь,— Тоник с серьезным видом почесал затылок,— если так сделать: Тимку — на раскладушку, а для меня попросить у Германа Ивановича этот... как его... спальный мешок?

— Еще новости!— воскликнула мама.

— Да вы не бойтесь, Зоя Петровна,— сказал Герман Иванович и подмигнул Тонику. Блох в мешке нет.

Мама сделала вид, что совсем не думала про блох и пошла за простынями, чтобы постелить их внутри мешка.

Ребят поместили в маленькой комнатке, дверь которой выходила прямо на лестницу.

— Пора,— прошептал Тимка, едва был погашен свет и в квартире наступила тишина.— Ну-ка, подвинься.

Печально скрипнула покинутая раскладушка, и Тимка штопором ввинтился в спальный мешок.

— Простыни выкинуть,— заявил он.— В снегу с простынями не ночуют.

Они выкинули простыни и несколько минут прислушивались к тишине. Вдруг в коридоре раздалось осторожное шлепанье босых ног. Кто-то сказал свистящим шепотом в замочную скважину.

— Тоник, открой, а?

— Петька. Чего ему надо?

Тоник скользнул к двери и открыл, стараясь не скрипнуть. В полумраке он увидел две маленькие фигурки, завернутые в одеяла.

— Вам чего?

— В мешок,— сказал Петька.

— Дубина! Марш домой!— прошептал из мешка Тимка.

— Я тоже хочу в мешок,— хнычущим голосом сказала вторая фигурка. Это был пятилетний Петькин брат Владик, прозванный Кляксой за постоянное нытье.

— Не влезем же! А Клякса-то еще зачем?

— Не отстают, рева.

В соседней комнате раздались тяжелые шаги. Тимка молнией вылетел из мешка на раскладушку.

— Лезьте, черти,— выдохнул Тоник и захлопнул дверь. Они с Петькой ухватили Кляксу и затолкнули его в мешок. Петька тоже укрылся в мешке. Тоник остался стоять посреди комнаты.

Герман Иванович осторожно приоткрыл дверь.

— Хлопцы, пусть Барс у нас переночует. Можно?

— Можно,— сказал Тоник.— А вы уже легли? А я вот... тоже... ложусь.

Теперь в мешке было очень тесно.

— Звали вас?— зашептал Тимка.— Мне Клякса коленкой позвоночник сверлит. А ну, лежи тихо!

Клякса попробовал зануть.

— Заткнись,— сказал Петька так сурово, что Клякса сразу замолчал.

— Ну и достанется нам утром,— вздохнул Тоник.

— Мы рано уйдем. Не заметят,— успокоил Петька.

Минуты три они молчали. Клякса начал мирно посапывать. Где-то в углу тихонько скулил во сне Барс.

— Знаете что?— начал Тимка.— Просыпать нам нельзя. Попадет, если увидят. Давайте дежурить по очереди. Каждый час меняться будем. Вон и часы.

В темноте светился циферблат будильника.

— Здорово,— сказал Петька.— Будто мы в походе.

— Давайте, будто наш пароход налетел на айсберг, и мы высадились на льдину,— предложил Тоник.

— На что налетел?— не понял Петька.

— На айсберг, на ледяную гору. Такие в северных морях плавают.

Тимка не согласился высаживаться на льдину.

— Там еды нет. Лучше на необитаемый остров. На острове хоть белые медведи.

Они поговорили еще немного, поспорили, водятся ли на Северном полюсе пингвины и бывает ли над Южным полюсом северное сияние. Потом договорились, что первым будет дежурить Тимка. Кляксу от дежурства освободили.

У Тоника слипались глаза.

— Спишь?— спросил Тимка.

— Сплю. Чего нам бояться? Полярная ночь кончилась.

— Скоро за нами придет самолет.

— Конечно. Но следи за белыми медведями. Возьми мой револьвер.

Через час Тимка локтем растолкал Тоника.

— Твоя очередь. Слышишь?

— Ага...— зевнул Тоник.

Тимка повернул голову и прошептал ему в самое ухо:

— Ты Петьке дай поспать побольше. Все-таки мы старшие.

— Конечно,— пробормотал Тоник.— Дам...

Он сказал это машинально, а думал о другом. Тоник думал, что тень, которая ложится от него на снег, очень длинная. Так было потому, что солнце стояло совсем низко. Большое, красное как спелый помидор, оно повисло над кромкой льдов. Снег был залит оранжевым светом. Фиолетовые тени далеко тянулись по нему от ледяных глыб. Льды кончались у черных береговых скал.

У самого берега медленно плыли айсберги. Они были громадные, как горы. С одной стороны их освещали красные лучи, с другой, в тени, айсберги были голубые. Они целиком отражались в тихой темно-зеленой воде. Потом по снегу скользнула большая тень, и в воздухе стал кружить самолет. Был он белый, в тонкую синюю клетку. Громко шуршали его бумажные крылья...

Утром, в половине девятого, Герман Иванович пошел в комнату, чтобы взять из чемодана бритву. Он открыл дверь и замер на пороге. Из его спального мешка торчали четыре головы. Справа виднелся аккуратный Петькин чубчик, за ним темный взлохмаченный затылок Тоника, Тимкин белобрысый ежик и стриженная под машинку круглая голова Кляксы.

А в раскладушке, удобно расположившись на чистой простыне, спал Барс. Он морщил нос и беззвучно рычал. Барсу снились белые медведи.

МИНУТА СОЛНЦА

У забора, где растут большие лопухи и высокий репейник, есть скамейка. Это даже не настоящая скамейка, а старая доска на столбиках из обломков кирпичей. Столбики сложили ребята. А доску они оторвали от забора, чтобы получилась лазейка. Теперь хорошо: и дорога к реке стала короче, и скамейка есть. Можно здесь посидеть и поговорить о разных вещах.

Но сейчас говорить не с кем. Тоник сидит один. Тимка все еще купается, а Петька с Кляксой и Римка ушли обедать. Только на самом конце скамейки греется на солнышке тощий кот Аркашка. Он дремлет, но один глаз у кота все равно приоткрыт. Аркашка и во сне следит этим глазом, нельзя ли поймать бабочку или даже воробья, чтобы сожрать. Серый Аркашка еще не совсем взрослый кот, но бандит и обжора.

С другого конца двора слышен голос:

— Тоник, иди же, наконец, обедать!

Это мама зовет его. Но уходить Тонику не хочется. Солнце пригревает голые плечи, маленький ветер трогает волосы, которые уже высохли после купания. Иногда хорошо посидеть просто так, глядя, как качаются листья травы.

— Шас,— говорит Тоник. Это значит «сейчас».

— Никаких «шас»! Все остынет. Через минуту чтобы был дома!

Минута — это много или мало? Тоник не раз сидел здесь и знает, что за минуту тень от забора должна переползти с рыжего кирпичного обломка примерно вон до того клочка бумаги в траве. Чтобы ветер не сдвинул бумажку с места, Тоник вытягивает ногу и прижимает клочок пяткой.

Тень движется почти незаметно для глаза. Но зато очень даже заметно для глаза выползает из травяных джунглей черный жук с усиками. Жук блестящий и круглый. Величиной он с копейку. Жук карабкается, как по канату, по шнурку от тапочки и взбирается на ногу к Тонику. Тоник вдрагивает и хочет сбросить усатого гостя. Только тут же спохватывается, потому что надо воспитывать в себе смелость. А как быть смелым, если пугаешься какого-то жучка?

Тоник решает сидеть и не шевелиться. Жук очень быстро ползет вверх по ноге. Даже совсем его не чувствуешь, такой он легкий. Но хоть легкий и маленький он, а все равно страшновато: вдруг возьмет, да как цапнет! Но жук не цапает, а мирно продолжает свой путь. Добрался почти до колена. Здесь он останавливается и начинает шевелить усами. «Зачем полез на такую высоту?» — думает Тоник. Наверное, это очень любопытный жук. А может быть, это даже великий путешественник из Страны насекомых. Он бродил сейчас в незнакомом лесу из гигантских репейников, среди кирпичных скал под лопухами, громадными, как зеленое небо. Когда-

нибудь путешественник вернется домой, и на радостях насекомые устроят бал. Божьи коровки будут водить на широких листьях медленный хоровод, разноцветные бабочки примутся танцевать «Вальс цветов» под оркестр веселых кузнечиков. А знаменитый жук сядет в кругу уса­тых родственников и соседей и начнет рассказ про чужие края, приключения и встречи с чудовищами...

Тоник подумал о чудовищах и покосился на кота. Во время вспомнил. Аркашка открыл оба глаза. Полосатый хвост его тихо вздрагивал от охотничьего азарта. Аркашка увидел жука!

Тоник пальцем сбросил «путешественника» в траву, а коту показал язык. Аркашка с досады зажмурил оба глаза. А жук скрылся в траве. Наверное, сидел под лопухами и думал о непонятной силе, которая швырнула его с высокой горы. Будет о чем рассказать друзьям-насекомым!..

Край тени, пока Тоник наблюдал за жуком, сполз с кирпичного обломка и почти коснулся бумажного обрывка. Тень делалась все короче, освобождая место для солнца. И вдруг самый храбрый луч, который дальше других забрался в траву, заблестел на чем-то серебристом.

Тоник не успел даже заинтересоваться, что это там загорелось под солнцем. Он сразу вспомнил, как увидел такой же серебряный блеск в густом лесу.

Это случилось в начале лета. Тоник и еще многих третьеклассников должны были принимать в пионеры. Сбор дружины решили сделать необычным, провести его в лесу. Кончался май, и вокруг широких по­лян празднично шумели светлые березки.

Тоник рано проснулся в то утро.

Но, как назло, договорился он идти на сбор вместе с Тимкой, и поэтому случилась беда.

Тимка слишком долго соби­рался. Он сначала чистил ботинки, потом искал фуражку, хотя можно было идти и без

нее. Тоник нетерпеливо ерзал на стуле, а Тимка вытаскивал фуражку из-за шкафа шваброй и говорил:

— Успеем. Еще даже рано придем.

Он совсем даже не волновался, этот Тимка, потому что его приняли в пионеры два года назад.

И они опоздали в школу, где перед походом в лес собиралась дружина.

Это была такая беда, с которой справиться невозможно. Ссутулившись, Тоник отвернулся к стене и стал отковыривать ногтем масляную краску.

В непривычной тишине пустого коридора четко тикали часы. Часам все равно, если даже у человека громадное несчастье.

— Слезки на колесках. Подумаешь!..— сердито сказал Тимка.— А ну, айда бегом! Дорогу-то я знаю.

Тоник помнит огородные плети и рыхлые гряды на окраине, через которые он с Тимкой мчался напрямик. Еще помнит зеленое поле и дальнюю стену леса. Лес был все ближе и ближе. И, наконец, обступил их со всех сторон.

Ребята отдыхали и бежали снова. И над вершинами сосен, не отставая от Тоника и Тимки, мчались белые облака.

Но вот за ручьем, у опушки березовой рощицы, затерялась последняя тропинка. И пришлось остановиться.

— Подумаешь!..— снова сказал Тимка. Но больше он ничего не сказал. Тоник отвернулся от него. Было тихо в лесу. Облака неподвижно стояли над деревьями. Солнце насквозь просвечивало молодые листики и блестело у Тоника на ресницах. А потом из-за деревьев ударил в глаза другой, яркий серебряный блеск. Тоник невольно взглянул туда из-под ладони и сразу вскочил.

И облака снова помчались над вершинами деревьев, а потом остановились над широкой поляной. На поляне большим квадратом выстроилась дружина, а в середине этого квадрата стоял горнист Васька Серегин и готовился протрубить сигнал «слушайте все!» Солнце ослепительно горело на венчике горна...

И сейчас, когда что-то засверкало в зелени серебряным блеском, Тоник вспомнил этот самый хороший день.

Но что же там в траве? Он хочет встать и посмотреть, но тут вырастает и разбегается по всему двору мягкая серая тень. Тоник поднимает голову. Маленькое облако набежало на солнце. У облака темная середина и лохматые, желтые от просвечивающих лучей края. Рядом с ним стоят в небе два других облачка, поменьше.

— Облака, облака... — шепчет Тоник, и вдруг сами собой добавляются несколько слов: — Вы лохматые бока...

Почему-то вспоминает сразу же Тоник, как еще прошлым летом неожиданно у него сложились строчки про голубей, улетающих к солнцу. Он прибавляет их к новым строчкам про облака, и получается не то песенка, не то считалка:

Облака, облака,
Вы лохматые бока,
К солнцу не летите!
Все вы там сгорите...

И облака, испугавшись, уходят от солнца. Серебряный блеск острым лучиком снова покалывает глаз. Тоник вскакивает и раздвигает стебли лебеды.

Там лежит жестяной пропеллер. Знакомый пропеллер-вертолет, который Тоник недавно вырезал из блестящей консервной банки. Нашелся!

Но тут будто снова тень ложится на землю. Только это не тень. Солнце светит по-прежнему. Просто убегает от Тоника хорошее настроение. Ведь из-за пропеллера поссорился он с Петькой. Значит, зря поссорился.

Два дня назад Тоник и Петька запускали «вертолет» с нехитрого сооружения из катушки для ниток и палочки. Дернешь за нитку — пропеллер срывается и с жужжанием летит на другой конец двора. И вот один раз «вертолет» упал в траву, а недалеко стоял Петькин брат Клякса. Встав на четвереньки, пошарил Клякса в траве, поднялся и сказал:

— Нету.

Тоник с Петькой искали и тоже не нашли. И казалось Тонику, что глаза у Кляксы блещут как-то подозрительно.

— Клякса, говори сразу!— потребовал он.— Стянул вертолет?

— Нету,— повторил Клякса.

— Лучше отдай, а то получишь сейчас,— вмешался Петька.

Клякса переступил с ноги на ногу и заморгал:

— Нету же его...

— Не брал он,— уверенно произнес Петька.— Если он врёт, то не моргает, а просто сопит.

— Он и сейчас сопел,— настаивал Тоник.— Он под рубашку сунул вертолет. Дай-ка, посмотрию.

Но Петька не дал.

— Думаешь, все жулики, да?

— Я не думаю... А Клякса жулик. Камеру от футбола кто стянул? Он стянул и гвоздем пропорол.

Это была правда, но Петька обиделся за Кляксу. Хотя Клякса и рева, а все равно брат.

— Может, ты сам пропорол,— нахально заявил Петька.

Драки не случилось, потому что Петька почти на два года младше Тоника и слабее. Так всегда. Кто бы ни ссорился здесь, драк не бывает: силы у всех разные. Тимка больше Тоника, Римка — девчонка и связываться с ней вообще не стоит, хотя сама она бывает непрочь. В общем, как ни поверни, ничего не выйдет. Только иногда Петька треснет Кляксу ладонью по затылку, но это их дело, семейное.

Вот и сейчас Петька знал, что драки не будет и говорил нахальные вещи. Может быть, Тоник и дал бы ему все-таки один раз, но пришла во двор Римка.

— Вот базар!— вмешалась она.— Ты, Антон, взял бы да вырезал новый пропеллер. Долго тебе, что ли?

Это она правду сказала: недолго. Но уже не хотелось заниматься «вертолетами». Скучно...

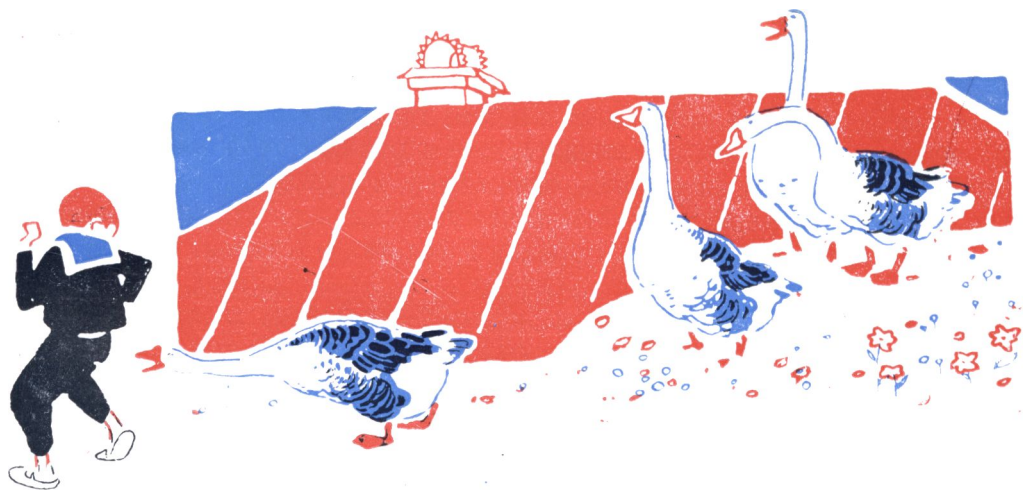
Так они с Петькой и разошлись. И теперь не поймешь толком, в ссоре они или нет. А если говорить честно, то, конечно,

в ссоре. Когда вся компания вместе, то вроде бы они и не ругались. А как вдвоем останутся — в разные стороны.

Тоник держит на ладони пропеллер и думает, что надо мириться с Петькой. Подойти к нему и сказать, что «вертолет» нашелся... а камеру проткнул все-таки Клякса. И все будет в порядке...

— Антон! Долго нам тебя ждать?!— слышен мамин голос. Тоник вздрагивает от неожиданности. Край тени уже переполз через бумажный клочок, и минута, конечно, прошла. Она, оказывается, большая, эта минута. Тоник вон сколько успел за нее! Спас от гибели великого путешественника. Вспомнил про самый хороший день. Сочинил не то считалку, не то песенку про облака. И с Петькой решил помириться...

Раскинув крыльями руки и жужжа, как самолетный мотор, Тоник летит «на заправку». О минуте, проведенной на скамейке, он уже забыл. Впереди сегодня еще много разных минут: то ясных, как синее небо, то затуманенных тенью набежавшего облака, то радостных, как солнечный блеск сигнальной трубы.

РУБИКОН

— Нытик,— сказал Тимка.

— Трус,— добавил Тоник.

— Ты бы хоть воспитывал его, Петька,— вздохнула Римка.— Ему через год в школу идти, а он только реветь умеет.

— Сами попробуйте. Я вчера воспитывал. Меня за это в угол поставили... Как дошкольника какого-то.

Это воспоминание так расстроило Петьку, что он даже хотел треснуть Кляксу по затылку. Но тот догадался и пересел на край поленницы.

— Воспитаешь такого,— проворчал Тимка.— Всего на свете боится, даже каких-то паршивых гусakov.

Клякса обиженно покосился на ребят, но ничего не сказал. Это была правда. Гусей Клякса боялся даже пуше, чем грозы или пчел.

Этих зловредных птиц завела соседка, Нелли Прокопьевна. Она недавно вышла на пенсию и решила заняться птицеводством. С тех пор началась для Кляксы совсем скверная жизнь. Гусаки его возненавидели. Неизвестно за что, просто загадка какая-то.

Как только Клякса выходил на крыльцо, гуси вытягивали шеи и хищно шипели. Потом они медленно двигались в наступление. Большой светло-серый гусак шел в лобовую атаку, а белый, который был поменьше, обходил Кляксу с левого фланга. Конечно, Клякса ревел и пускался в бегство.

Всем опротивело Кляксино нытье.

— Хватит!— сказала Римка.— Клякса! Ты должен перейти рубикон.

Глаза у Кляксы сделались круглыми, как синие блестящие пуговицы.

— Чего?— спросил он.

— Рубикон,— терпеливо объяснила Римка.— Так говорят. Это значит перебороть страх.

— Это один царь так сказал,— вмешался Тоник.— Он все думал и думал, переходить или не переходить реку перед боем. А потом решил перейти, чтоб некуда было отступать.

— Не царь, а римский император,— сказал Тимка.— Юлий Цезарь. Мы это проходили.

Клякса ничего не понял. Вернее, понял только, что он должен сделать что-то особенное. Он засопел и на всякий случай прыгнул с поленницы.

— Ничего он не перейдет,— махнул рукой Петька.— Я его знаю.

И Клякса вдруг остановился. Он совсем было хотел уйти домой, даже заморгал, но вдруг остановился. И спросил:

— А как переходить?

— Очень просто,— посоветовала Римка.— Выйди на крыльцо и дверь за собой захлопни. Бежать-то некуда будет. Вот ты и дашь этим гусятам как следует.

— Дашь!— уныло возразил Клякса.— Они вперед дадут.

Почему-то ему захотелось доказать, что гуси не такой уж пустяк, как все думают.

— Вон как за ногу тяпнули. Такой синячище.

— Не ври! Это ты о ступеньку треснул, — сказал Петька. — Иди сюда. Кому говорят? Будешь переходить рубикон?

Клякса молчал. Тимка полез в карман.

— Если так боишься, вот возьми. Не реви только и не бойся. А то уж надоело...

Он вытащил рогатку. Рогатка была новая, из красной резины, с гладкой белой ручкой и черной кожанкой.

Клякса медленно подошел. Все смотрели на него молча. Ждали. И Кляксе первый раз в жизни стало неловко оттого, что на него так глядят. Может быть, это было потому, что смотрели сразу четверо и не дразнились, а только думали, что он самый последний трус. А может быть, потому, что Кляксе уже было почти шесть лет. Когда шесть лет, не очень-то приятно признаваться, что ты трусишь.

Клякса посмотрел на новую рогатку, потом на Петьку.

— Давай, — сказал он и потянулся за Тимкиной рогаткой.

В тот день гусей не выпускали из сарая, и перейти рубикон не удалось.

Ночью Петька проснулся оттого, что кто-то залез к нему на кровать. Он здорово перепугался, а когда увидел Кляксу, то разозлился. Он даже вытянул из-под одеяла руку, чтобы дать Кляксе подзатыльник, но раздумал. Клякса это сообразил и прижался к нему поплотней.

— Петя, а зачем дверь закрывать? — прошептал он. Петька ничего не понял.

— Ну, завтра, — объяснил Клякса. — Когда гуси...

— Тебе ж сказали, — ответил Петька. — Чтобы не бежал опять.

Клякса молчал. Петька только слышал его дыхание.

— А что такое рубикон? — снова раздался Кляксин шепот. Но Петька сам толком не знал.

— Когда отступать нельзя, это и есть рубикон. Ты целься прямо в башку, если гусаки полезут.

Клякса вдруг соскочил и зашлепал к своей кровати. Петке стало его почему-то жалко. Он хотел что-нибудь сказать Кляксе, но сразу не мог придумать. А пока думал, заснул...

Утром все собрались в коридоре.

— Ты поближе подпусти, — учил Тимка. — А потом бей в упор. Понял?

В карман рубашки он насыпал Кляксе пригоршню мелких камешков.

Тоник снял защелку с самозакрывающегося замка, которым обычно не пользовались.

— Не вздумай бежать за калитку, — предупредила Римка. — И дверь закрой.

А Петка ничего не сказал. Только подобрал с пола еще один камешек и сунул его в Кляксин карман.

Ребята ушли на речку, а Клякса остался в коридоре. Один раз он высунул голову за дверь, но сразу спрятался. Гуси ходили недалеко. Серый увидел Кляксу и гоготнул: «Доберемся, погоди».

Клякса вынул рогатку, вложил камень и шумно вздохнул. Потом он подпернул на плече лямку штанов, как поддерживают ружейный ремень, отправляясь в опасный поход.

— Раз, два, три, — прошептал Клякса, но не двинулся с места. Как только он представил, что останется один на один с гусаками, в животе у него заглодело. Клякса мотнул головой и еще раз сосчитал до трех. И вдруг без всякого счета выскочил на крыльцо и захлопнул дверь.

Гусаки как по команде взглянули на Кляксу. Они вытянули шеи, опустили к самой земле головы и приоткрыли клювы. Клякса прижался к двери спиной. Он судорожно натянул рогатку и выстрелил. Но камень щелкнул по земле и пробил лопух. А гуси шли через солнечный двор, заросший подорож-

никами и пушистыми одуванчиками. Впереди каждого гусака двигалась длинная черная тень.

Белый гусь зашел слева и отрезал путь к калитке. Серый двигался прямо. Его приоткрытый клюв внутри был красным.

— Пошел!— отчаянно заорал Клякса и выстрелил наугад. А потом бросил рогатку и стал отчаянно дергать дверь. Дверь, конечно, не открылась. Клякса зажмурился и повис на ручке. Он изо всех сил поджал ноги, чтобы спастись от страшных клювов. Но долго так висеть было нельзя. Руки сорвались, и Клякса шлепнулся на крыльцо.

И тут он увидел удивительную вещь. Серый гусак лежал на боку. Его шея вытянулась по земле, как обрывок пылесосного шланга. Белый гусь, подняв голову, смотрел на упавшего приятеля.

— Га?— удивленно спрашивал он.

Клякса поднял рогатку и встал. И тут он понял, что не боится. Даже странно было, что он только что дрожал перед этими птицами. Серый гусь дернул красной лапой, медленно поднялся и обалдело открыл клюв.

— Ну?— сказал Клякса. Гусаки понуро побрели прочь. Клякса дал вслед пару выстрелов и вышел на середину двора.

Он стоял, как укротитель хищников на арене. Расставил ноги, помахивал рогаткой, словно хлыстом. На гусей он даже не смотрел.

И вдруг в калитку рыжим вихрем влетела Римка, а с забора посыпались Петька, Тимка и Тоник.

— Ура!— заорал Петька.— Качать его!

Клякса был непрочь, чтобы его покачали. Но когда Тоник схватил его за руки, а Тимка хотел схватить за ноги, он ни с того ни с сего ойкнул и вырвался.

— Ух ты!— удивился Тимка.— Кожу-то как содрал!

На левой руке, у запястья, кожа у Кляксы была содрана до крови. То ли ссадил ее, когда висел на ручке, то ли резиной рогатки попало. Он и сам не заметил этого.

— Здорово больно, Владик?— спросила Римка.

Клякса мотнул головой.

— Маленько...— И отвернулся к забору. Плечи его вздрогнули, но этого, наверное, никто не заметил. Ведь все привыкли, что если он ревет, то ревет открыто, во весь голос.

Римка потянула Кляксу за рукав.

— Айда, я завяжу. А то засоришь.

Клякса коротко вздохнул и пошел впереди. Он шагал к калитке, у которой топтались гуси. Контуженный гусь что-то сказал здоровому, и оба направились к сараю. По дороге они презрительно загоготали, но в их гусячьих глазах был страх.

— Ну, что? — сказал Петька.— Перешел он этот самый рубикон?

— Факт,— ответил Тимка. Тогда Клякса остановился. И все тоже остановились. Клякса повернулся и нерешительно поднял лицо.

— А это?

— Что?— удивились все.

— Ну... Это,— он неловко ткнул пальцем в щеку, где оставила дорожку слезинка.

— Это не считается,— решил Тоник.— Правда, ребята? Это же не от страха. Это так...

И Клякса облегченно улыбнулся, потому что все сказали, что эта случайная слезинка не считается. Теперь его беспокоила только одна мысль. Он покосился на Тимку. Но Тимка ничего не говорил про рогатку, и Клякса сунул ее под рубашку.

СОДЕРЖАНИЕ

Восьмая звезда	3
Костер	7
Крылья	10
Минное заграждение	13
Рейс «Ориона»	16
Настоящее	20
Снежная обсерватория	24
Самый младший	33
Трое с барабаном	40
Почему такое имя?	46
Айсберги проплывают рядом	55
Минута солнца	63
Рубикон	70

35 коп.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962